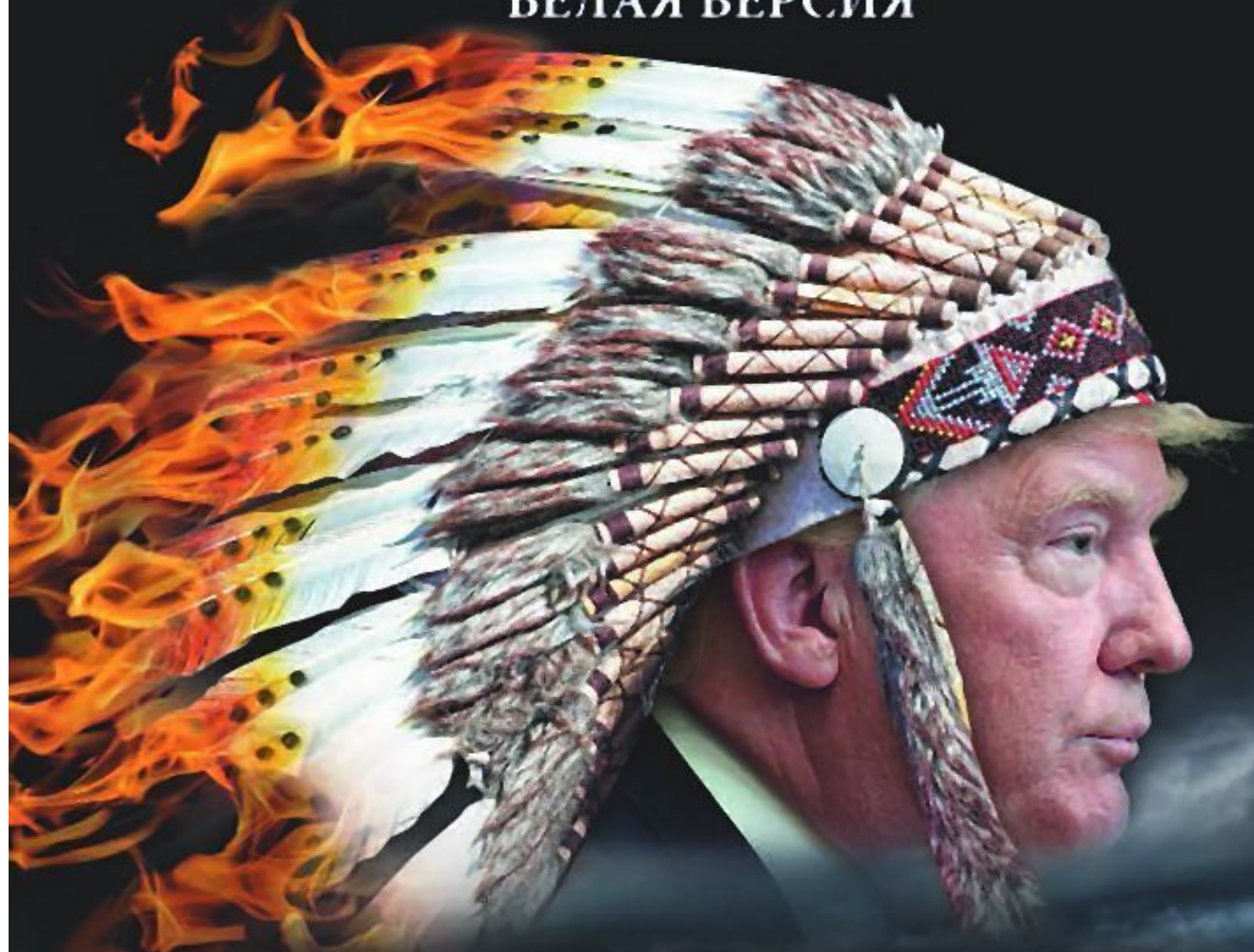

ХРОНИКИ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
БЕЛАЯ ВЕРСИЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ ТРОЯНСКОГО МУСТАНГА

АНДРЕЙ УГЛАНОВ

Андрей Угланов

**Пробуждение троянского
мустанга. Хроники параллельной
реальности. Белая версия**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2020

УДК 822
ББК 99

Угланов А. И.

Пробуждение троянского мустанга. Хроники параллельной реальности. Белая версия / А. И. Угланов — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2020

ISBN 978-5-6045376-0-2

Можете ли вы представить себе, что волна времени накатила на Финляндский вокзал Питера 1917 года и унесла немецкий паровоз вместе с опломбированным «ленинским» вагоном на сто лет вперед до американского Детройта в наши дни. правда, с другими пассажирами? Попутно плеснула мертвой водой на молодого Михаила Горбачева, соединив навек его дочь с нагловатым беспризорником. Окропила святой водой двух жуликов, один из которых, будучи кремлевским кукловодом, стал патриархом, а второй стащил «общак» КГБ и тайно готовил возвращение Крыма. Из темного омуты времени, соединившего мир живых и мертвых, вышли герои этого романа. В интригах и авантюрах XX века, которые они плели в Восточном Берлине, Сочи, Пекине, чукотском Эгвекиноте, Нью-Йорке, Москве, Ленинграде, Ухани и Переделкине, выковывались события. происходящие в мире сегодня. Оказаться внутри игр руководителей спецслужб, звезд шоу-бизнеса и Князя Тьмы поможет эта книга, написанная в полной изоляции от общества. когда казалось, что все умрут. Все персонажи вымышлены. События не происходили никогда. Схожесть имен является абсолютной случайностью и не имеет к реальной истории никакого отношения.

УДК 822
ББК 99

ISBN 978-5-6045376-0-2

© Угланов А. И., 2020

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	62
Глава 8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Угланов
Пробуждение троянского
мустанга. Хроники параллельной
реальности. Белая версия

© А. И. Угланов, 2020

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2021

* * *

Пролог

Его разбудили острые колени Меланьи. Она повернулась к нему, поджала ноги, и колени оказались в опасной близости от его печени. При этом жена бормотала что-то на тарабарском словенском. За одиннадцать лет, что прошли после их свадьбы, Трамп так и не выучил ни слова этого чужого, но довольно музыкального языка, хотя всегда прислушивался к ее шепоту во сне. Ему казалось, что жена шепчет гадости в его адрес. Иногда Меланья говорила во сне на английском, но сегодня прерывистое дыхание жены сопровождалось кошачьим музыкальным словенским. Смесь русского с итальянским.

Тем временем огромная спальня в его флоридском поместье стремительно наполнялась светом. Даже через плотные шторы проникали утренние лучи – солнце вставало на этих широтах рано, в восемь утра. Меланья неожиданно всхрипнула, открыла глаза и, словно пытаясь скрыть неловкость, быстро заговорила, продолжая вчерашнюю вечернюю тему.

– Тедди! – Она часто называла его медвежонком. – Русских в стране три миллиона. Только в Нью-Йорке почти 600 тысяч.

Мелкой репликой она хотела скрыть неловкость от храпа. После чего отвернулась от мужа, смотревшего не мигая в позолоченный потолок, на другой бок. Отвернулась и вновь заснула – умела делать это мгновенно, в любое время дня и ночи.

Сам Дональд не один десяток лет мучился бессонницей. Особенно последние месяцы, когда бредовая идея, которой он всегда жил – стать президентом США, – вдруг стала походить на реальность. Съезд Республиканской партии выдвинул его кандидатом в президенты США. После этого он постоянно советовался с Меланьей о том, какие группы избирателей можно еще привлечь на его сторону. Словенцев и прочих бывших жителей Югославии они не обсуждали – те будут голосовать за него, поскольку Меланья – их. А вот русские, которых в стране больше трех миллионов? При чем по привычке ходят на выборы почти все.

Проблема будто бы и пустяковая, но все крепче держала его за яйца.

Трамп боялся связываться с русскими. Был только один человек, который мог профессионально его проконсультировать, – беглый генерал КГБ. Но тому уже за восемьдесят. Скорее всего, давно пребывает в маразме. Авторитетного кагэбэшника посоветовала Меланья одна из ее русских подруг – в умершем четверть века назад Советском Союзе тот едва не стал председателем КГБ. Его зовут Олег Калугин.

Тедди закряхтел и тяжело вздохнул. Во рту, как всегда под утро, пересохло. Уровень влажности в спальне не отрегулировали, язык и гортань стали словно наждачная бумага. Так бывало в молодости, когда иной раз он просыпался под утро после кошмарного сна с одной мыслью – добраться до холодильника и выпить холодную кока-колу. Вот и сейчас тревожные мысли ползали суетливыми муравьями в мозгу, он никак не мог зацепиться ни за одну из них. Разговор с самим собой прервала Меланья – вновь повернулась к нему лицом и резко поджала ноги. Удар острыми коленями по правому боку в районе печени окончательно вывел его из себя. Трамп громко гаркнул Fuck! опустил ноги на пол и зашаркал шлепанцами в ванную. «Это ж надо – пустить на ветер 45 миллионов баксов на свадьбу, чтобы получать по печени каждую ночь!» Новый день начинался плохо, он в который раз пожалел, что одиннадцать лет назад связался с длинноногой манекенщицей. Правда, когда они шли рядом по очередной красной дорожке, многие ему завидовали. Но сколько раз по ночам, даже во время сна Трамп получал от нее жесткие удары по спине и по правому боку – одному богу известно. Миниатюрная японка или модная по нынешним временам худенькая китайка была бы намного удобнее. Оставалось одно – спать по отдельности, Меланья не против. Но это окончательно будет означать, что он превратился в старого пердуна.

Когда он зашел в ванную, ласковой трелью зазвонил телефон. Трамп снял трубку.

– Господин Трамп, – звонил его секретарь Марко. Он всегда безошибочно знал, что босс уже не спит и находится на расстоянии протянутой руки от телефонного аппарата, которых в доме предостаточно. Трамп даже подозревал, что дом напичкан телекамерами и Марко следит за ним 24 часа 7 дней в неделю. – Я разыскал того русского, как просила вчера вечером ваша супруга.

– Какого черта, Марко? Какого на хрен русского? Она тебе платит или я? Осел! Разве я просил об этом? Ты уволен! – Трамп сел на край серой с черными прожилками каррарского мрамора ванной и вновь подумал, что день как начался плохо, таким и будет. В правом боку кольнуло – уж не почку ли отбила Меланья пять минут назад?

Марко тем временем молчал, только громко сопел в трубку. Он никогда не признавал косяков и всегда находил что ответить. Этим и был незаменим.

– Госпожа Трамп позвонила вечером, сказала, что вы уже спите, и передала вашу просьбу – отыскать русского сукиного сына хоть из-под земли. Я все узнал: в Москве Калугина давно осудили за измену как работающего на ЦРУ. Он давно сбежал из России, я нашел его в Вашингтоне. Оказался сговорчивым парнем. Одним словом, ковбой уже здесь.

– Где здесь? – В районе правой почки боль запульсировала в такт с сердцебиением. Он почувствовал, что под скомканными, нечесанными с утра волосами проступили капли испарины. Они словно сверлили дырочки на коже и быстро охватили всю голову. Лицо побагровело, пальцы рук налились кровью, стали похожи на вареные говяжьи сосиски, которые Трамп обожал есть с тушеной капустой. Немецкие корни...

– Как вы хотели, я заказал ему такси до аэропорта, авиабилет на челнок туда-обратно плюс конверт с кешем, – монотонно пробубнил Марко. Было ясно, что он знал и был готов к тому, что обгадится с этим русским. А значит, ясный хрен, тоже получил от Меланьи конверт с баксами.

– Я, говоришь, велел? Сколько в конверте?

– Десять.

– Сотен?

– Тысяч.

– Марко, сукин сын, билет из Вашингтона до Майами стоит 100 баксов! Ты уволен! – вновь прохрипел Трамп любимую финальную фразу и бросил трубку. Не один десяток раз он говорил эти слова Марко, но другого такого же верного прохвоста с огромным адвокатским опытом даже в его богатой на разного рода криминальные приключения жизни сегодня было не сыскать.

Волны бешенства между тем не последовало. Трамп прекрасно понимал, что друзей и верных помощников в сложном и эмоциональном процессе, что назывался выборами президента США, у него, кроме Меланьи, нет. А у нее тяга к авантюрам развилась от скуки – последние годы он заиклился на девушках из конкурса «Мисс Вселенная» и общался с ней только на официальных мероприятиях и семейных праздниках. Так что злить ее сегодня – упаси бог! В конце концов, можно и поговорить с бывшим генералом КГБ. Но так, чтобы об этом не узнал никто.

Трамп поднял трубку телефона и, не спрашивая, слушает ли его Марко, спросил:

– Кто об этом знает?

– Госпожа Трамп, вы и я. Плюс его московский друг, с которым он пил виски в Вашингтоне, когда я ему позвонил.

Марко давно усвоил повадки хозяина и не отходил от телефона в своем кабинете-спальне флоридского имения Трампа.

– Парень оказался с юмором. Прилетел в два ночи с бородой и усами. Из аэропорта добились на такси, чтобы не светить ваших автомобилей. Русский спит в доме садовника.

Трамп посмотрел на часы – они висели в доме повсюду – было 8 утра.

– Марко! – Трамп тяжело вздохнул, задумался на секунду и вытянул вперед нижнюю губу точно так, как его копировал этот завистливый комик Алек Болдуин, и медленно произнес: – Иду к нему. Пусть садовник сварит кофе и сделает пару бутербродов. Когда встреча закончится и я выйду, вызови такси и отправь его в Орландо. Пусть улетит не из Майами.

Сын Бэррон еще спал, как и его мать. Трамп решил не рисковать и отправиться в дом садовника на гольф-каре с парусиновой крышей. Но сначала достал из кармана халата мобильник, вошел на свою страницу в твиттере и написал: «Заслуживающий чрезвычайного доверия источник позвонил в мой офис и сообщил, что свидетельство о рождении Барака Обамы – это подделка».

Сразу стало легче, но лишь на мгновение. Утреннее небо не разродилось ни одним облачком, ему вдруг показалось, что все разведывательные спутники США, России и Китая нацелены своими телескопами на его виллу и его красную сонную рожу. Трамп физически ощутил щелчки затворов фотоаппаратов, которые слышал миллионы раз за свою жизнь и как будто привык. Но сегодня он в самом деле крупно рисковал – если в эфир просочится хоть одна даже размытая фотография с русским генералом КГБ – все будет кончено. Хиллари и ее банда спалют его за один день. И ради чего? Чтобы получить совет, как понравиться русским Нью-Йорка, которые почти поголовно даже английского языка не знали. Как индусы, китайцы, албанцы и прочие эмигранты, они жили своим сообществом в строго определенных кварталах, нос не показывая в сопредельные территории.

Трамп бывал когда-то в нью-йоркском районе Брайтон-Бич, в ресторане «Одесса». Было это лет тридцать назад, когда здесь обосновались эмигранты из СССР, чтобы посмотреть на «живых коммунистов». Для всех это было развлечением. Особенно привлекали его красивые молодые еврейки, которых американцы, как и всех прибывших из СССР, считали русскими. Но когда это было? К тому же и тридцать лет назад, и сейчас эмигранты из СССР с их повзрослевшими детьми традиционно голосовали за республиканцев. То есть за партию Трампа. Зачем ему понравиться этим людям?

«Чертова баба», – вновь подумал он о жене, а ноги уже несли его в пристройку к особняку, где под навесом стояли пара десятков гольф-каров для доставки его и гостей на поле с такими любимыми лунками – оно было здесь же. Трамп успел предупредить Марко, чтобы охрана – а она была рассредоточена по всему периметру усадьбы – не особо светила этим утром. Пусть отслеживает только внешний контур. К тому же Марко придумал для гостя правдоподобную легенду – приехал партийный активист, чтобы рассказать о настроениях среди низовых членов партии в штатах на Восточном побережье. Таких к кандидату в президенты США приезжали во Флориду десятки. Штаб штабом и опросы опросами, но о настроениях в низах могли рассказать только никому не известные старые партийцы.

Озабоченный Тедди влез в ближайший гольф-кар, поднял парусиновый верх и нажал педаль акселератора, что заменяет педаль газа в обычных автомобилях. Электромобиль не тронулся с места: аккумулятор давно не заряжали. Он перешел в другой, затем в третий, четвертый и только пятый автомобиль мягко тронулся с места, выкатился из-под навеса на дорожку. Утреннее солнце ослепило его, эффект добавили солнечные лучи, что преломлялись в тысячах капель воды на листьях кустов после ночной поливки и отражались от стекол дома. Кровь вновь шарахнула по мозгам – он не поднял парусиновый верх гольф-кара и физически ощутил автоматическую фокусировку фотокамер спутников на своем лице! Трамп инстинктивно прикрылся руками, как иной раз делал это, видя, что его скрытно фотографируют папарацци.

– Fuck! Fuck! Fuck! Fuck! – повторил он сквозь плотно сжатые губы, затем резко отбросил парусиновый верх кара в рабочее верхнее положение и повернул игрушечную машинку в сторону, противоположную домику садовника. Земельный участок, где располагалось поместье Трампов, был так размечен и перерезан дорожками, что, куда бы ни шли гости или хозяйева и куда бы они ни ехали на электромобильчиках, они передвигались по кругу. Поэтому,

как ни хотелось хозяину дома скрыться под кронами деревьев, он все равно оказывался перед развилкой, один из лучей которой вел как раз в строение, где прятался бывший генерал КГБ Олег Калугин.

Тедди медленно подкатил к домику, из входной двери тут же вышел Марко.

– Ты сукин сын, – прошипел Трамп и прикусил в порыве злости правую щеку, – собирай чертовы шмотки и проваливай!

– Уже собрал, – проговорил Марко, быстро подошел к машинке и помог Трампу подняться на крыльцо садовничьего домика. Точка остановки машинки была скрыта от ненавистных спутников высокими кронами деревьев, это дало хоть какое-то облегчение. Марко быстро вернулся к гольф-кару и не спеша уехал по дорожке в сторону большого дома.

«Ну вот и приехали!» – с облегчением подумал хозяин поместья перед тем, как открыть входную дверь. Но тот, кого он увидел внутри дома, сначала заставил его застыть на месте, потом едва не броситься сломя голову прочь – с продавленного десятилетиями дивана ему навстречу поднялся человек, как две капли воды похожий на Збигнева Бжезинского – главного советолога США, главного русофоба и теоретика расчленения СССР на 15 отдельных государств.

– Господин Трамп, – с заметным русским акцентом заговорил старик, – меня зовут Олег Калугин, я бывший генерал КГБ СССР. Вижу, вы чем-то испуганы? Меня в самом деле часто путают со Збиггом Бжезинским, моим хорошим другом. Но ему уже 89 лет, и он безвылазно сидит дома. А мне всего 82. Я в своем уме и твердой памяти.

Трамп неоднократно встречался и даже когда-то дружил с Бжезинским. То, как русский был на него похож, говорило лишь о чудесах природы. Збиг и вправду не показывался на людях уже лет десять – не мог не то что ходить, даже не говорил. Глядя в глаза сухонькому старикашке, Трамп подошел к нему, протянул руку и сжал его маленькую ладонь. Он был на голову выше Калугина, и, чтобы рассмотреть его лицо, отодвинул руку вместе с генералом. Ладонь старика была сухой, без мокрой и холодной потливости. Не выпуская его руку, он разглядывал вблизи этого русского перебежчика, давно ставшего гражданином США.

Волосы на его голове были явно свои. Калугин не облысел, как большинство современных мужчин. Мешки под глазами выдавали склонность к спиртному, хотя этот грех мог давно остаться в прошлом. А вот ресниц почти не осталось – Тедди всегда профессионально разглядывал ресницы и только потом все, что было ниже. Калугин плотно сжимал губы, отчего они казались ниточками, как и у его двойника Бжезинского. На его левой щеке остались следы клея от бутафорской бороды, но общий вид лица вызывал уважение – Калугин был чисто выбрит, как и положено мужчине. Еще одну деталь Трамп искал в тех, с кем знакомился, – состояние шеи в районе кадыка. Это место у мужчин старше шестидесяти самое проблемное. Складки кожи мешают пробрить его хорошо, у многих стариков здесь фрагменты и даже кусты трех-четырёхдневной щетины, что делает их похожими на неошипанных петухов. У Калугина это просматривалось в полной мере. Но сбрить «кустарник» машинкой и даже безопасной бритвой было очень проблематично. Нужна опасная бритва. Но кто согласится на такое бритье в наше время – лично Трамп боялся и тщательно следил за собой сам – горло не доверял никому.

Разглядывание русского генерала затягивалось. Трамп так успокаивал нервы, надеясь, что его гость растеряется и станет податливее – так будет дешевле. Но любое молчание кончается.

– Давайте не будем тянуть кота за хвост, – проговорил наконец хозяин поместья и жестом предложил русскому вернуться на просиженный диван. Сам сел на стул, что стоял при кухонном столе. – Как вы знаете, через полгода в США выборы президента. Один из кандидатов – я.

– Конечно, знаю.

– Одна из проблем – голоса русских в Нью-Йорке, Чикаго, Майами и Лос-Анджелесе. Чем их привлечь?

– Господин Трамп, русские от вас и так без ума!

– Генерал, не отнимайте мое время. О вас отзываются как о серьезном человеке.

Олег Калугин впервые устало потер руками глаза. Всем своим видом давал понять, что его мучает вопрос: какого хрена он сюда притащился? Пенсии на житье и так хватает. Плюс небольшой доход от компьютерной игры, которую он разработал с одним из отставных генералов ЦРУ. Калугин открыл рот.

– На Восточном побережье живут в основном выехавшие еще из СССР. Они любят своих детей, регулярно ездят в Атлантик-Сити просадить пару сотен долларов в казино. Любят крупную слабосоленую селедку с репчатым луком, и шведскую водку «Абсолют». Праздники часто проводят в русских ресторанах на Брайтон-Бич. Смотрят российское ТВ по спутнику, смотрят YouTube. Обожают попсу – русских исполнителей песен. Их имена вам ничего не скажут – Филипп Киркоров, Григорий Лепс, Пугачева с Леонтьевым. Я говорю о русских, кто привык к этим артистам еще в СССР. Они и на выборы ходят. В отличие от молодых русских – тем все по хрену. В России до сих пор модно нанимать музыкантов для выборной кампании. За деньги будут и петь, и перьями трясти. Возьмите парочку, и они поедут по США с криками «Трамп – наш президент!».

– Генерал, вы в своем уме? Я был в Москве и видел Киркорова. Таких певцов в США по дюжине в каждой пивной, включая русские рестораны.

– Это так. Я в своем уме. Это для начала. Но если вы захотите играть вдолгую и без проигрыша – есть один вариант для русских в США, все они будут ваши.

– Не тяните кота за хвост, – вновь повторил Тедди.

– Но мне будет нужна хотя бы пара часов, чтобы рассказать вам историю одной операции КГБ, которая касалась работы по приведению к власти Михаила Горбачева.

– Горбачев – сотрудник КГБ?

– Нет. Но к власти он пришел в результате спецоперации КГБ. Началась эта история в 1966 году, когда Горбачев едва не стал руководителем КГБ по Ставропольскому краю. Продолжилась в 1969 году, когда председатель КГБ Андропов хотел назначить его своим заместителем.

– Откуда вы все это знаете и какого черта здесь Горбачев?

– В начале 60-х годов я был на стажировке в США, где подружился с прекрасными и добрыми американцами, благодаря им я сегодня здесь. Так вот, когда в 1964 году я вернулся в СССР, меня отправили служить в Ставропольский край, и вся операция по внедрению Михаила Горбачева сначала в Политбюро, а потом и в президенты СССР прошла при моем непосредственном участии.

– Какого хрена вы мне все это рассказываете? Плевать я хотел и на Горбачева, и на вашу стажировку!

– Мы говорим о русских, которые должны голосовать за вас. Чтобы вы все поняли и не сочли меня жуликом, я должен коротко рассказать о том, кто поможет вам с голосами русских в США.

– Бог мой! Да кто же это?

– Его зовут Андрей Разин. Он зять Михаила Горбачева, известный музыкант и редкий прохиндей. С уверенностью могу сказать, окажись он в ближайшее время в США с концертами, голоса русских были бы вашими. Встретаться с ним не надо. Я все продумал, но вам придется меня выслушать. Иначе я приехал зря, но в этом случае готов вернуть деньги за вычетом авиабилетов, такси и суточных за два дня.

Сквозь оконную штору пробивался солнечный луч, было видно, сколько пыли летает в этой комнате. Из-за окна послышался треск, напоминающий звук хвостовой погремушки гремучей змеи. Это были цикады – они трещали сотнями особей, раннее утро было их любимым временем. Трамп перенес центр тяжести на левую половинку задницы. На деревянном сиденье

старого венского стула правая неожиданно затекла. По ноге растеклись горячие искры. Но он не стал вскакивать, чтобы размять ноги – думал. Уж больно подозрительной была хитрая лисья морда русского генерала. К тому же Калугин не скрывал, что уже 56 лет работал на ЦРУ, где Трампа считали национальной бедой США.

Тедди поднял глаза на генерала, остановил взгляд на его лице. Глаза Калугина, начисто лишенные ресниц, смотрели спокойно, не мигая. Мало того, ему показалось, что зрачки глаз русского вытянулись сверху вниз узкими черными щелочками с золотой искрой посередине. А вместо привычных белков глазного яблока выпирали причудливые полусферы серо-зеленого перелива. Трамп слегка тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, вновь перенес центр тяжести на правую ягодицу.

– Сейчас 8.15 утра. В 9.00 вы отсюда уедете в аэропорт Орландо. И я больше никогда о вас не услышу.

– Обо мне не услышите. – Калугин сглотнул слюну, отчего острый кадык натужно переместился к основанию черепа и вернулся на место. При этом «кустарник» невыбритой щетины вспучился вместе с дряблой кожей шеи и вновь замер. Зеленоватые, с желтой иглой посередине, зрачки глаз просверлили мозг Трампа. Ему стало не по себе, он вновь сменил опорную ягодицу на жестком стуле.

– Итак, было лето 1972 года...

Глава 1

Портрет человека с огромным родимым пятном на лбу он впервые увидел в кабинете директора детского дома и наивно спросил его:

– Кто это?

Меченый висел рядом с портретом Ленина. Директор сразу подобрался и рассказал, что Михаил Сергеевич-это первый секретарь Ставропольского крайкома партии. В свои восемь лет худой, как все детдомовцы, сирота сразу понял – вот он, самый большой начальник.

Тот смотрел на него с висящего на стене портрета задумчивыми и добрыми глазами. Через засиженное мухами стекло Михаил Сергеевич даже улыбался этому мелкому костлявому существу, что глядело на него снизу вверх в кабинете директора детдома. Горбачев в ту первую встречу явно не догадывался, что перед ним монстр с инстинктом древнего гигантского и ненасытного насекомого!

Второй раз в жизни Андрей увидел портрет меченого человека в доме Марии Пантелеймоновны. Его приемная бабка – баб-Валя – подрабатывала у нее кухаркой, и несчастного сироту пускали в ее крашенную белой известью хату, когда он на лето приезжал из детдома в село Привольное.

Дело было так. В тот день он перебрался через плетень, подошел к веранде соседской мазанки, отодвинул висящую на входе марлю и вошел.

– Теть Маша! Баб-Валя велела принести для борща лук, капусту и помидоры.

– Заходи в дом, – услышал он ответ из-за двери.

На веранде пахло деревенским домом. О стекло билась крупная черная муха, на стуле возле застеленного клеенкой стола сидела рыжая кошка. Она внимательно следила за мухой, не обращая внимания на босого ушлепка, что, закусив нижнюю губу, пробрался на летнюю веранду дома. Андрей открыл входную дверь и шагнул в сени. Тощая кошка, видно, давно хотела проникнуть в дом. Задрвав трубой тонкий крысиный хвост, она первой проскочила в сени. Слева на стене висел ситцевый синий халат, на полу стояли резиновые сапоги и калоши. Наглое животное застыло у следующей двери. Оно нагло, с хрипотцой, мяукнуло, дверь открылась. Здесь, в белом от муки фартуке, подперев «руки в боки», стояла хозяйка. Пахло испеченным хлебом, заслонка на чисто выбеленной русской печи закрывала устье, за которым явно что-то томилось.

– Положи. – Мария Пантелеймоновна кивнула сироте в сторону кухонного стола у окна. На желтой клеенке с синими цветочками стоял графин с водой и граненый стакан, стеклянная банка с солью и запечатанная коричневым сургучом бутылка с наклейкой «Московская особая водка». Из серой оберточной бумаги выглядывал светло-коричневый изгиб куска колбасы. Рядом с бутылкой водки лежали три румяных буханки белого хлеба.

Андрей положил сетку с капустой и луком на стол и со святой простотой, тонким сиротским голоском, попросил бабушку Машу пустить его посмотреть на жилую комнату, как говорили в Привольном, зал, куда уходила вторая половина огромной русской печи.

Баба Маша покосилась на его грязные босые ноги, треники с вытянутыми и дырявыми коленками. Самое бы время сказать «брысь»! Но что-то остановило ее – вспомнила, что он сирота, а грязь на полу можно и смыть. Она кивнула на дверь, открыла ее, и Андрей шагнул на тканые половицы. В полутемной комнате, как и положено в настоящей хате-мазанке, тикали ходики. В углу стояла тумбочка с телевизором, рядом радиоло. О его ногу шаркнула рыжая кошка и прыгнула на диван, что стоял справа от двери. Андрей невольно проследил взглядом за нахальной тварью, которой позволено делать в этом доме все, потом глазами зацепил икону с божницей поверх нее и фотографию военного в черной гимнастерке, черными волосами и застывшими печальными глазами.

В это время баба Маша включила свет, и вот тут сирота замер в полном изумлении. Напротив входной двери, между окнами, висел портрет человека, которого он видел в кабинете директора детдома. Портрет был другой, но красное родимое пятно на лбу могло быть в этом мире только у одного человека.

– Кто это, тетя Маша? – спросил Андрей шепотом.

– Сынок мой, Миша, – ответила женщина за спиной и замерла, опершись о косяк двери, глядя с любовью на портрет. – Вот борщ с Валентиной готовим, котлеты. Приедет сегодня к вечеру.

После этих слов Андрей-сирота продолжил стоять как вкопанный, вперившись глазами в портрет. Он мгновенно понял: вот его счастливый случай, он почти в раю. Детский организм не выдержал напора чувств, и мальчик пустил в штаны все, что накопилось в мочевом пузыре. Мокрое пятно медленно набухло на половике вокруг грязных ног, драная кошка прыгнула с дивана, принялась обнюхивать пятно. Если бы мама Миши Горбачева была женщиной злой и безжалостной, то непременно треснула бы его сковородой по голове. Но шкету повезло: заметив неладное, хозяйка лишь попросила скатать половик и отдать его Валентине постирать. Этот «косяк» уже не имел для мальчика особого значения. Как и положено круглому сироте, он мыслил намного взрослее своих счастливых семейных одноклассов. Знал, что не отцепится от дядьки с красным пятном на лбу никогда.

Опустившись на четвереньки, он скатал половик, зажал его под мышкой и виновато поднялся, не смея посмотреть в глаза тете Маше. Затем выскочил на кухню и через сени – на летнюю веранду. Сквозняк колыхал марлевою занавеску, что висела на входе веранды. Черная муха все так же билась о стекло. И тут перед выходом с веранды дорогу ему преградил незнакомый мужик. На нем были черные брюки и белая рубашка с коротким рукавом.

– Стоять! – коротко приказал он и схватил Андрея за ухо. Да так резко вывернул ухо от себя, что сирота невольно задрал нос и встретился глазами с незнакомцем. – Чего скоммуниздил, кто такой?

– Соседский я, Андрей от баб-Вали. – Уху становилось все больнее, но он и не думал выворачиваться – уж больно грозное и каменное лицо нависло над ним. – Принес Марии Пантелеймоновне капусту с помидорами для борща дяде Мише, – выпалил он.

Ухо мгновенно освободилось, на лице незнакомца нарисовался вопрос.

– А чего несем? – Специалист по скручиванию ушей указал пальцем на свернутый трубкой половик.

– Коврик кошка обгадила. Баб-Маша попросила выстирать и высушить до вечера, когда приедет дядя Миша.

– Молодец. Как зовут-то? – спросил уже совсем ласково мужик в белой рубахе с мокрыми подмышками.

– Андрей Александрович Разин, – командирским голосом ответил он на вопрос так, как их учили в детском доме, – сирота. На каникулах у Баб-Вали, моей приемной бабушки.

Пацан в драных трениках не врал. Баб-Валя, потерявшая всех своих родственников и детей, действительно упросила директора детдома отпускать шустрого и умненького Андрюшу к себе в село Привольное на летние каникулы.

– Чего сразу не сказал, – ласково прожурчал мучитель. Его глаза еще заметнее потеплели, металл из голоса улетучился. Он по-отечески погладил сироту по голове. Несколько раз провел потной ладонью сначала против шерсти, потом обратно.

– А я – Олег Данилович Калугин. Можно просто дядя Олег, помощник Михаила Сергеевича Горбачева, сына Марии Пантелеймоновны. – Он присел на корточки и оказался глазами на уровне глаз хитрого шмакодявки, что стоял с зажатым под мышкой половиком. – Давай помогу донести. Куда?

Если бы будущий махинатор знал, что такое оргазм, он тут же понял бы, что уже испытал его дважды за последние несколько минут. Сначала, когда увидел портрет большого начальника с кляксой на лбу и оказалось, что он сын баб-Маши. И второй раз, когда помощник человека с кляксой испугался всего лишь упоминания имени дяди Миши.

– Дяденька, я сам, – ответил шкет.

– Ну что – тогда давай пять! – Олег Данилович, ласково улыбаясь, протянул потную пятерню. – Давай дружить и забудем, что я тебе ухо открутил. Думал: ты вор.

Не дожидаясь, он взял маленькую сиротскую ладонь в свою и крепко сжал. Даже муха, что билась о стекло, перестала противно жужжать. Казалось, она ждет ответ будущего монстра, поняв, что присутствует при рождении главной фантазмагии двадцатого и двадцать первого века.

– Давайте дружить, Олег Данилович, – пропищал Андрей и опустил глаза.

Вдруг Калугин резко встал и вытянул руки по швам.

– Шо это, Олег? Ты чего к ребенку пристал? Когда Михаил приедет?

В дверях стояла Мария Пантелеймоновна. Сирота не стал ждать ответа и проскользнул мимо взмокшего Калугина на двор.

Вечером того счастливого дня он не мог заснуть. Приемная бабка застелила скрипучую раскладушку на дворе, но он все смотрел на дорогу и ждал.

Когда на фоне усыпанного яркими звездами неба над раскладушкой начали бесшумно снова летучие мыши, к соседской хате подъехала белая «Волга». Она въехала в открытые ворота и остановилась в круге света, льющегося из застекленной веранды. Из машины вышел мужчина в такой же, как у Калугина, белой рубахе с короткими рукавами. На крыльцо тотчас выползла Мария Пантелеймоновна, подошла к сыну и обняла своими распухшими руками. Тут же откуда-то из темноты, как черт из коробочки, к машине подскочил Калугин, поздоровался по имени-отчеству с Михаилом Сергеевичем и открыл заднюю дверцу «Волги». Из нее выползла женщина, за ней девочка.

– Раиса, давай хватаем Иру и бегом спать. – Горбачев обнял жену за плечи и повел ее в дом. Девочка молча засеменяла за ними. Калугин открыл багажник машины, достал две пузатые сумки и понес в дом. Через пять минут он вышел, сел в «Волгу», и машина укатила.

Андрюша-сирота как-то разом успокоился, натянул простыню до носа и уставился в звездное небо. В детском доме их научили различать созвездия на ночном небосводе. Большая и Малая Медведицы, Полярная звезда и весь Млечный Путь ласково мерцали только ему.

По небу косо пролетела падающая звезда, и он загадал желание. Читал- если это сделать, то мечта обязательно сбудется. Загадал и крепко заснул.

* * *

Рано утром Андрей сидел на плетне между хатами двух бабулек. Рядом с ним висел половик Марии Пантелеймоновны, который баба Валя еще вчера замочила в воде, прополоскала несколько раз водой из колодца и повесила сохнуть на забор. По пыльной дороге гнали на выпас десятков коров. Они сонно мычали, громко роняли лепешки и выпускали толстые струи мочи. Внутри соседской веранды раздавался скрип двери. Из-под марли, что прикрывала вход на веранду, выбежала кошка. Она села на траву и уставилась на Андрея. Рыжая тварь смотрела как-то хмуро, будто не выспалась.

– Кыс-кыс-кыс, – позвал ее детдомовский босяк, решив, что с горбачевской кошкой на руках он будет смотреться гораздо лучше для бабы Маши, а значит, и для ее сына. Но кошка продолжала сидеть с каменной мордой, пока не отвернула ее в сторону ласточкиного гнезда, что приклеилось под крышей. В него то и дело влетала и вылетала суетливая пташка.

Внутри веранды вновь скрипнула дверь и на двор выбежала девочка. Она подошла к кошке, погладила ее по спинке, и та разом подняла тощий зад выше головы, вытянула трубой хвост и ласково мяукнула. Даже заурчала.

Андрей перемахнул через плетень и встал напротив девочки. На ней было голубое ситцевое платье в горох и коричневые сандалии. Стоя на корточках рядом с кошкой, она посмотрела на Андрея снизу вверх.

– Ты кто? – спросила девочка с любопытством.

– Баб-Вали внук, – почему-то с легкостью соврал Андрей и махнул головой в сторону бабкиного домика. – На каникулы приехал. А ты кто?

– Меня зовут Ира. Я тоже приезжаю к бабушке, с папой и мамой, – ответила она, поднимаясь, и подошла к Андрею.

В детдомах, где он провел свои первые одиннадцать лет, тоже были девочки. Но они постоянно что-то грызли – кто ногти, кто сухари и страшно надоедали дурацкими просьбами и вопросами. Часто дразнились. Ира смотрела на него, босого и с растрепанными волосами совершенно спокойно, даже с интересом.

– А я видел твоего отца на портрете у директора школы. И у Марии Пантелеймоновны. Он кто? – взял быка за рога полный сирота.

– Партийный работник. Мы с мамой редко его видим. Все куда-то ездит по делам. Мама учительница. А твои родители кто? – спросила она, глядя на него все так же спокойно, даже с улыбкой.

– Они на машине убились, когда мне годик был. Живу в детдоме, а летом меня баб-Валя забирает. – Андрей тяжело вздохнул.

Он не знал, как вести себя дальше, но девочка сама продолжила разговор.

– Мы с папой пойдем купаться на речку. Пойдешь с нами?

– Пойду, – ответил он.

На веранде послышались голоса. На двор вышел Михаил Сергеевич с женой Раисой. Он был в майке, мятых белых брюках. На его жене – легкое светлое платье.

– Это Андрей, – сказала Ира отцу с матерью, – он детдомовец и летом живет у бабы Вали.

– Комсомолец? – спросил Горбачев, подходя к сироте. Он положил тяжелые, конопатые, заросшие рыжеватыми волосами руки ему на плечи, ласково улыбнулся.

– Пионер, – ответил Андрей и отдал рукой салют.

– И это правильно. – Михаил Сергеевич автоматически произнес свою коронную фразу и расслабленно посмотрел вокруг. – Потом в комсомол, в партию. Человеком станешь. Поможем. Главное – определиться, как думаешь строить коммунизм. Где и с кем?

– С вами буду строить коммунизм, Михаил Сергеевич! Я уже решил, когда увидел ваш портрет на стене у директора в детдоме, – выпалил Андрюша и вновь вскинул руку в пионерском салюте.

Но Горбачев больше не проявлял к нему интерес. Он давно не был дома у матери. Ему хотелось побыть на дворе, где прошло детство, залезть в сарай, осмотреть старый велосипед и кучу барахла, которая осталась от него здесь, в родительском доме. Учувя шкурой его настроение, шкет заволновался – не знал, что еще сделать, чтобы вновь привлечь внимание человека с портрета. Он часто засопел носом и опустил голову вниз. Наглая кошка уже сидела рядом с мятой штаниной Горбачева и вновь сверлила его зелеными глазами, как ничтожную серую мышь. Молчание прервала Раиса Максимовна.

– Про тебя, Андрюшенька, нам Мария Пантелеймоновна все рассказала. Жалко твоих и маму, и папу. Вот вырастешь – Михаил Сергеевич тебе в институт поможет поступить, инженером станешь. – Улыбаясь, она погладила его по голове, как недавно Олег Калугин.

– Папа, – раздался наконец и голос Иры, – ты обещал пойти на речку. – Девочка взяла отца за руку.

– Сейчас приедет Олег и поедем. Подожди. – Горбачев отшвырнул ногой кошку, как будто не видел ее и сделал случайно. Что-то замычав под нос, пошел к плетню, за которым только что брели коровы.

На крыльце дома показалась Мария Пантелеймоновна с фотоаппаратом в руках. Она громко скомандовала:

– А ну, встаньте все у забора – я вас сфотографирую.

Горбачев с любовью посмотрел на мать, жестом показал сначала жене, а потом и дочери подойти к нему. Фотоаппарат «ФЭД» он подарил матери год назад, но не думал, что она когда-то научится им снимать. Уж очень хотелось показать ей, что он может дарить и дорогие редкие подарки, а не только шелковые платочки, что привозил ей из Москвы, когда учился в МГУ. Мария Пантелеймоновна, и в самом деле обучилась снимать в фотокружке сельского дома пионеров.

Горбачев с женой встали у забора, обнявшись за плечи. Ира – чуть спереди между ними.

– Андрюша, иди к нам, – вдруг позвала Раиса Максимовна «бабвалиного» внучка. Он все стоял в стороне у плетня, рядом с сохнувшим половиком.

Женщина в светлом платье ласково улыбнулась, подошла к застывшему пацану и подтолкнула его в сторону мужа с Ириной.

– И это правильно! – вновь пробормотал будущий генсек ЦК КПСС, не смея перечить жене. Хотя было заметно – присутствие в семейном кадре детдомовского пионера восторга у него не вызывало.

Андрей присел на корточки рядом со стоящей Ириной, Горбачев с женой, вновь обнявшись за плечи, улыбались им в спину. Все посмотрели в объектив нацеленного на них фотоаппарата.

– Снимаю! – произнесла Мария Пантелеймоновна, скорректировала фокус на лице сына и мягко, как учили в фото кружке, нажала на спуск.

Если бы Горбачев и Раиса Максимовна знали, чем обернется в их жизни этот снимок, они не приехали бы в Привольное никогда. Увы, подстерегавший главного ставропольского коммуниста сатана в то прекрасное утро победил и разразился дьявольским смехом где-то в преисподней. У Горбачева кольнуло сердце: «Ну вот, – подумал коммунист, – проболтали всю ночь с Раисой и опять не выспались». Он стер со лба выступившую испарину. Тем временем его мать аккуратно вложила фотоаппарат в кожаный кофр, застегнула кнопку и понесла «ФЭД» в хату.

Андрей повернулся к Ирине и прошептал ей в ухо:

– Пойдем на речку купаться, тут недалеко.

– Отец не пустит, – ответила она, хотя было понятно, что ей это понравилось.

Река, на которую собрались Горбачевы, петляла недалеко от села Привольное и называлась Егорлык. Как все степные реки, что текли с юга на север, один ее берег местами был довольно крут, противоположный – низкий, заросший камышом. Кроме зеленых зарослей, на реке было много песчаных пляжей с горячим песком, сквозь который пробивались седые лопухи белокопытника. Андрей почти каждый день, что жил у бабки Валентины, бегал туда, как и все, кто не работал в поле и на фермах.

С каждой минутой становилось все жарче. Воспитанному в жестоких детдомовских порядках сироте давно хотелось удрать к воде. Сдерживало одно – сегодня это лучше сделать с семьей большого начальника. Он представил себе, как выпросит у баб Маши их «семейную фотографию» и покажет директору детдома.

– Михаил Сергеевич, тетя Рая, – набравшись смелости, шкет обратился к Ириным родителям, – можно мы с Ирой пойдем на речку? Здесь совсем недалеко.

Горбачевых еще можно было считать молодой парой, им жутко хотелось оставаться наедине. Первый ребенок – сын, зачатый в Москве, – умер, не родившись во время их учебы

в МГУ. Но это не стало трагедией, наоборот. Ирина родилась вполне здоровой и красивой девочкой после переезда Горбачевых в сухой и теплый ставропольский климат. Мало того, они радовались каждой возможности уединиться – отчаянно хотелось увеличить семью. Но счастливых моментов становилось все меньше – молодого секретаря Ставропольского краевого комитета КПСС кто-то явно тянул наверх, он был в постоянных разъездах.

Горбачев ощутил легкое волнение, посмотрел на улыбающееся лицо жены, затем на дорогу в сторону реки. Не было никого – ни машин, ни людей. Да и каких машин? Здесь только коров и лошадей гоняли по утрам на водопой.

– Ира, обещай, шо не полезешь в воду без нас, – повернулся он к дочери.

– Только по колено и обрызгаться! – добавила Раиса Максимовна, игриво стрельнув глазами в сторону мужа.

– Хорошо, папуля! Хорошо, мамуля! – Ира подхватила Андрея за ладонь, они выскочили на поросшую спорышом, вытопанную тропу с коровьими лепешками. Затем не оглядываясь побежали, как будто боялись, что те передумают. Но бывшие московские студенты не собирались глядеть им вслед. Они двинули в другую сторону – к старой бане в дальнем углу сада, что построил ушедший недавно отец Михаила Горбачева.

* * *

Когда дверь в баню захлопнулась с противным скрипом, к хате Марии Горбачевой подъехала вчерашняя светлая «Волга», что увезла Олега Калугина обратно в Ставрополь. Он вышел из нее, прошел через калитку и забежал на веранду, где лоб в лоб столкнулся с матерью Михаила Горбачева.

– Доброе утро, Мария Пантелеймоновна! – За несколько месяцев, что был прикреплен к Горбачеву по линии КГБ, он так и не понял, как лучше обращаться к этой сельской женщине. Ленинградская родословная, корни в руководстве НКВД по линии отца и матери, прекрасное высшее образование. Плюс две школы КГБ, плюс стажировка в США и работа в Нью-Йорке журналистом под прикрытием – тут «гэкать», как ни старайся, не получалось. А нужно казаться ей своим в доску. – Михаил Сергеевич велел прибыть утром. Еще спят? – спросил Калугин ее и улыбнулся так, как мог позволить себе советский аристократ продавщице семечек на рынке.

Мать будущего генсека, ясное дело, знала, куда спрятался сын с женой, даже догадывалась зачем. Поэтому решила взять инициативу на себя и слегка приврать.

– Здорово живешь, Олег Данилович! Еще спят, а вас просили пойти к реке – посмотреть за детьми. Ирина и Андрей-сирота с полчаса как пошли туда. Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной придут туда сами. Вот сумку возьмите с пирогами и молоком – там и поснедаете!

Мария Пантелеймоновна вручила ему плетеную сумку и почти вытолкала к дороге, указав направление.

– Прямо по тропе к ивняку, – напутствовала она агента и вернулась на веранду наблюдать за баней. Ужас как было интересно!

Между тем майору Олегу Калугину в это утро было тяжело. Голова налилась свинцом, страшно хотелось есть и пить. Но главное – хотелось спать. Дело в том, что, увидев вчера вечером наглаватую рожу соседского сироты, он почувствовал неладное. Что-то заставило его проверить щенка, хотя тот и выглядел конченным заморышем – тощим, с бегающими глазками. Мало того, минувшим вечером охранник Горбачева ощутил нервную приподнятость, даже предчувствие того, что босой щенок может довести до цугундера не только его, но и чертову тучу очень важных людей. А профессиональную интуицию Калугина отметили не только в школе КГБ.

Олег Калугин был не простой, а двойной агент – КГБ СССР и ЦРУ США, завербованный в конце 50-х во время его стажировки в Колумбийском университете Нью-Йорка. В Советском

Союзе его ждала блестящая карьера во внешней разведке после того, как ЦРУ подставило ему бывшего русского во время стажировки в Нью-Йорке. Калугин якобы завербовал и выведал у него секреты твердотопливных двигателей для баллистических ракет.

Но американцам бывший «студент» был нужен для внедрения в самые верхи КГБ. И уже будучи на службе во внешней разведке, работая под прикрытием корреспондента нью-йоркской редакции московского радио, он написал рапорт о переводе домой. На Лубянке его рапорт вызвал понятное раздражение. В наказание его послали в Ставропольский край «пасти молодого талантливый» партийного руководителя, куратором которого был лично Андропов. Он и толкал его наверх.

Калугина об этом, естественно, предупредили. Он быстро смекнул, что, понравившись Михаилу Сергеевичу, можно сделать прекрасную карьеру. Главное – «ловить мышей», даже таких, как этот нахальный сирота.

Поэтому минувшим вечером Олег приказал водителю «Волги» вести его не домой, а в Управление КГБ по Ставропольскому краю, где располагался и архив, и его кабинет. Когда машина подъехала к зданию на улице Ленина, было уже темно. Калугин коротко и жестко бросил водителю:

– Заправь машину и жди меня на этом самом месте. Можешь спать. Рано утром едем обратно.

Он захлопнул дверь, вбежал по ступеням к входной двери и вошел в темный вестибюль. Дежурный, как положено, был на месте. Лейтенант с голубыми погонами отдал Калугину честь, когда тот предъявил удостоверение.

– Срочно ко мне начальника архива полковника Цивилева. Полчаса максимум. Скажите: Калугин вызывает. Срочно.

Дежурный немедленно начал крутить диск телефона и после нескольких секунд ожидания коротко проговорил в трубку:

– Товарищ полковник, вас срочно просит прибыть в его кабинет майор Калугин. – Выслушав ответ, он положил трубку телефона и доложил:

– Товарищ полковник сказал, что выезжает немедленно.

В управлении все прекрасно знали, что за птица этот майор Калугин. Знали о том, что его прислали из Москвы ненадолго и скоро он улетит обратно.

Поэтому через двадцать минут в кабинет Калугина, где он развалился на диване – болела спина от тряски по плохой дороге, – торопливо вошел полковник Цивилев.

– Что случилось, товарищ майор? – спросил он без всякого раздражения в голосе, даже слегка вытянувшись по струнке.

Калугин быстро встал с дивана, протянул полковнику руку.

– Вы уж простите, Сергей Иванович, но дело не терпит отлагательств. Я получил сведения, что охраняемый мной объект стал целью готовящегося проникновения в его семью группой лиц. Действуют через сироту, детдомовца Разина Андрея Александровича, 1963 года рождения. Нужно срочно поднять все, что у нас есть на этого Разина. Кто, откуда, кто родители, как оказался в детдоме, кто инициировал его появление в Привольном, да еще по соседству с матерью охраняемого объекта.

– Придется подождать, Олег Данилович, – ответил Цивилев. – Думаю, понадобится минут двадцать. Документы, если таковые в управлении есть, доставлю в ваш кабинет.

– Спасибо, Сергей Иванович, с меня бутылка. Чтоб все по Уставу, – пошутил он вслед Цивилеву. В ящике стола оказалась бутылка «Боржоми». Калугин скovyрнул пробку об угол стола и залпом выпил теплую содовую, как он привык называть минералку, работая в Нью-Йорке. В кабинете никого не было, он громко рыгнул, сам удивившись столь неподобающему для джентльмена поведению. «А если бы услышала Жаклин Кеннеди?» – вдруг подумал он и

расхохотался. Он видел эту даму не раз и всякий раз поражался ее природному благородству, что, впрочем, не сделало ее счастливой. Наоборот.

Наконец за дверью, в ночном и пустынном коридоре, послышался звук торопливых шагов. В кабинет вошел Цивилев. Он держал в руках обычную светло-коричневую папку с тесемками, на которой темнели буквы «Дело №» и ниже аккуратно синими чернилами «Разина Андрея Александровича, 1963 года».

– Удивительно, товарищ майор, но на этого несовершеннолетнего гражданина действительно заведено дело. С пометкой «Для обязательного учета при приеме на работу в государственные и правоохранительные органы».

– Это всё? – спросил Калугин и вновь рыгнул, уже тише – не смог сдержаться. Он почувствовал перед полковником даже большую неловкость, чем если бы рядом действительно оказалась жена убитого американского президента. Чтобы скрыть ее, вновь жестко произнес: – Спасибо, товарищ полковник, вы свободны, до завтра.

– Всегда готов помочь, – ответил Цивилев, крепко пожал протянутую Калугиным руку и вышел из кабинета. Майор подошел к столу, отодвинул протертый стул, сел и положил перед собой папку. «Ну что, мазурик, попался!» – пробормотал он и вдруг вспомнил Остапа Бендера из «Золотого теленка». Как тот танцевал с такой же папкой, набитой уймой компромата на тайного миллионера Корейко. От щенка миллионами не пахло. Пахло серой.

Придерживая одной рукой папку, он потянул за тесемку. Внутри оказалась пара десятков листов с напечатанными на машинке текстами и несколько фотографий. Речь поначалу шла совсем не о сироте, прилипшем к Горбачеву. Первые несколько листов были заполнены следователями НКВД сразу после окончания войны – в 1945 году. Речь шла о некоей гражданке Барсуковой, проживавшей на оккупированной немцами территории Крыма в Симферополе. Эта самая Барсукова прославилась среди местного населения тем, что в нее влюбился немецкий офицер вермахта. И не просто влюбился, а написал рапорт на имя Гитлера, чтобы ему разрешили жениться на этой русской.

Внимание следователей НКВД к этой истории привлекло то, что разрешение от Гитлера было получено, и Барсукова сыграла свадьбу в 1943 году в Симферополе с неким лейтенантом вермахта Алоизием Трумпом. В январе 1944 года, перед срочной эвакуацией немцев из Крыма, Екатерина Барсукова, ставшая Екатериной Трумп, родила дочь. Назвала ее по-русски Валентиной. Но Алоизий Трумп дочь не увидел – был убит еще в конце 1943 года. А Екатерина Трумп была арестована органами НКВД сразу после освобождения Симферополя в апреле 1944 года.

Будучи сыном офицера НКВД, Олег Калугин знал, что таких дел следователи вели много – практически во всех освобожденных от немцев городах. И «дело Барсуковой-Трумп» так и прошло бы незамеченным среди сотен подобных, если бы один из тех, кто его вел, не заинтересовался личностью самого Алоизия Трумпа.

Уже в 1947 году, когда Барсукова-Трумп отбывала срок под Воркутой, а ее трехлетняя дочь жила у бабушки в Симферополе, в Берлин был отправлен запрос на Алоизия. В «деле» имелись копия запроса и ответ из Берлина. Следователям крупно повезло – архивы вермахта и личные дела офицеров оказались в нашей зоне оккупации.

На первый взгляд и здесь не было ничего особенного. Трумп Алоизий оказался сыном Фрица Трумпа, умершего в Берлине своей смертью в 1930 году. Его сын Алоизий родился там же в 1914 году. И вот ведь какие были дотошные следователи – нарыли сведения, что у Фрица Трумпа был родной брат Фридрих, эмигрировавший в США еще в 1886 году.

Следующие листы папки уже не были пожелтевшими, напечатанными 25 лет назад. Свежая белая бумага была использована уже следователями КГБ, которые работали в структурах внешней разведки. Они вычислили, что у эмигрировавшего в США Фридриха Трумпа в 1905 году родился сын, фамилия которого на английском языке произносилась как Трамп, Фред Трамп. А в 1946 году у него и его жены Мэри родился сын – Дональд Трамп. По донесениям

агентов внешней разведки этот самый Дональд Трамп был кадетом Нью-Йоркской военной академии, впоследствии стал свехуспенным бизнесменом, который вращался в самых влиятельных кругах американской финансовой и политической элиты.

Калугин всматривался в фотографии Екатерины Барсуковой-Трумпа, Алоизия и мордато парня в военной форме – уже американца Трампа. Его все больше занимала мысль, что он стоит на пороге чего-то грандиозного. Что оказался в эпицентре взрывающей уже почти тридцать лет интриги. Но он прервал эти размышления, от которых пересохло в горле, и продолжил изучать машинописные листы. Их оставалось всего два.

Один – о судьбе Валентины Барсуковой-Трумпа. Ее мать Екатерина умерла в 1952 году в колонии, где отбывала двадцатипятилетний срок. Но Валю вырастила бабушка, даже смогла дать ей музыкальное образование, и та стала оперной певицей в Зимнем театре г. Сочи. В 1962 году Валентина познакомилась с армейским офицером, приехавшим из Минска в отпуск. Далее бурный роман, свадьба и рождение сына Андрея в 1963-м. И еще дальше трагическая гибель родителей в автомобильной катастрофе, когда мальчику был всего год.

На лбу Калугина выступила испарина. Он принялся тереть рукой сначала лоб, потом и все лицо. Встал со стула, подошел к окну. Кромешная тьма на улице Ленина помогла отдохнуть глазам и сосредоточиться. Он боялся не то что вслух, даже мысленно обозначить цепочку, что замаячила перед ним. Лишь позволил признаться самому себе, что сможет крутить яйца нынешним и будущим начальникам как в КГБ, так и в ЦРУ.

– Итак, – прошептал он, опершись лбом о стекло, – имеется мальчик-сирота Андрюша, который на самом деле никакой не Разин, а самый настоящий Трумп. Он про это не знает. Есть американский капиталист, судя по донесениям СВР, наглый и далеко идущий. Имя его – Трамп. При этом наш доморощенный Трумп-Разин не менее наглый и уже приклеился к будущему члену Политбюро ЦК КПСС, а может, и вообще генеральному секретарю.

Калугин шептал все это под нос, на стекле в такт словам вибрировало маленькое пятно пара от его дыхания. Оно мгновенно испарялось, как и положено самой секретной тайнописи. Только жирное пятно от его потного лба никуда не делось, но Калугин этого уже не заметил. Он вернулся к столу.

«Это ж надо, – подумал он, разглядывая фотографию Валентины в страстном желании найти сходство с заморышем из Привольного. – У американского капиталиста в наших камышах оказался родственник. И еще неизвестно – кто из них хитрожопей?» – И уже вслух, уверенно произнес: – Самый хитрожопый из нас троих я!

Калугин посмотрел на часы. Было 4 утра. До Привольного ехать часа три. Он встал, аккуратно сложил все листы обратно в папку, подошел к двери, выключил свет и вышел в коридор. Ковровых дорожек, как на этажах Лубянки, здесь не было. Но Олег Данилович, майор КГБ СССР и секретный агент ЦРУ США, шагал широко, демонстративно топая ногами, чтобы разбудить дежурного, если тот спал. Ему вовсе не хотелось ставить дежурного в положение обгладившегося кота. Жизнь казалась ему прекрасной, он чувствовал себя счастливым, схватившим бога за бороду.

* * *

Как только дверь в баню с противным скрипом захлопнулась, партийного секретаря с его женой-красавицей накрыла кромешная тьма. Запах пересушенного дерева, прихваченного когда-то баннным жаром, но давно остывшего, тотчас проник в их легкие. Раиса закашляла.

Михаил Сергеевич нащупал в темноте плечи жены. Мощно, с нетерпением притянул и прижал ее к себе. В тисках рук здорового мужика дыхание жены почти остановилось, кашель

сразу прекратился. Они стояли словно в раздумье. Так близко к романтической развязке они не были давно. Оба ждали какого-то импульса, чтобы предаться страсти роковой, как это часто бывало совсем недавно, особенно в московском общежитии, когда соседи по комнате куда-то уходили. Тишину нарушила разбуженная хлопнувшей дверью муха. Она прерывисто и нагло жужжала, перелетая в темноте с места на место, шлепалась о невидимую стену, падала вниз и вновь летала, уже с другой стороны. Извне хлопнула дверь «Волги», послышались короткий и неразборчивый разговор матери с Олегом и звук мотора отъезжающего автомобиля. Их вновь накрыла тишина.

Раиса с осторожностью, даже брезгливостью относилась к летающим насекомым. Муха и отъезжающий автомобиль на какое-то время отвлекли ее внимание. Ставшие было напряженными мышцы спины и ног расслабились. Она отвернула голову от лица мужа, и Горбачев занервничал – мерзкая навозная тварь могла испортить им не только сегодняшний день, но и завтрашний, и через месяц, год, всю жизнь. Не разжимая рук, он ткнул ногой пустоту и уперся ботинком в лавку, которую заметил посреди предбанника в тот короткий миг, когда дверь в баню еще не захлопнулась за ними. Он приподнял жену и сделал шаг в сторону лавки. Но крошечная тьма предбанника, которую они не захотели нарушать, включив лампочку, сыграла с ними злую шутку. Не успел он двинуться к лавке, ставшей в эти секунды центром их общей Вселенной, как удар головой о потолочную перекладину сначала Раисы и спустя мгновение Михаила Сергеевича, заставил их громко вскрикнуть от неожиданности, присесть и засмеяться.

В это время Мария Пантелеймоновна стояла уже возле банной двери и внимательно слушала звуки изнутри. Когда послышались два глухих удара и Раиса ойкнула, а затем оба с придыханием рассмеялись, она перекрестилась, произнесла «слава богу» и отправилась на кухню. Слушать то, что будет твориться в бане, она совсем не хотела. Только мысленно пожелала семейного счастья своему сыну.

– Ой, Райка, у меня искры из глаз! – проговорил Михаил Сергеевич, давясь от смеха и поглаживая набухавшую на лбу шишку.

– Ты грохнулся мне на ногу, чертяка! – ответила Раиса Максимовна и попыталась вытянуть ногу из-под мужниного зада.

Они оба как-то перевернулись в темноте, расцвеченной лишь искрами из глаз, и сила всемирного тяготения потянула их к земле. Вернее, к деревянному полу предбанника. Оба поняли, что любой иной выход из дурацкой ситуации обернулся бы взаимным разочарованием. Не сговариваясь, они прижались друг к другу и уже не замечали ни жужжания мухи, ни густого запаха перегноя и дождевых червей, что шел от земли сквозь щели в полу.

* * *

Тем временем в километре от бабушкиного дома Ирочка Горбачева и тощий шкет с никому пока не известной фамилией Разин-Труммп сидели на песке около реки. Детские купальники для девочек в период развитого социализма были еще неведомы. Поэтому оба были в трусах. Андрей только что вылез из воды, лежал на животе и подгребал себе под подбородок горячий песок. Ирина сидела рядом. Как и обещала родителям, она зашла в воду по колени и брызгала пригоршнями в стайки мальков, что сновали в прозрачной воде у ее ног.

– Давай купаться, – в который раз предложил мальчик дочери руководителя краевого комитета партии. Ему становилось скучно. К тому же Ирина сидела на песке, закрыв глаза, и молчала.

– Я же маме обещала дождаться ее и папу, – ответила она, но было видно, что сидеть на солнцепеке и ей неважно. Шкет же, как будто в нем заговорила упрямая немецкая кровь, настаивал на своем.

– Мы совсем недолго. Давай хоть на лодке поплаваем. – И он кивнул головой в сторону. На мелководье возле берега стояла плоскодонка, привязанная веревкой к вбитому в землю колу.

– Чья она? – спросила девочка, и было понятно, что предложение ее заинтересовало.

– Лодка совхозная, общая. Переплывать на тот берег. Туда и обратно. Если кто придет – отдадим. Но плавают на ней только утром и вечером. Сейчас никого нет.

Отвечать нахальному мальчику сразу Ире не хотелось. Она пожалела, что пошла с ним на реку, но дома было еще скучнее. Как ругаются друг с другом и придираются к ее словам мать и отец, она наслушалась достаточно. Но не сидеть же истуканом у воды и сгорать на солнце?

Она тряхнула плечами. Пошевелила пальцами ног в песке, взяла ракушку-перловицу, что притащил из воды Андрей, и швырнула в реку. Несколько рыбешек брызнули в стороны. На долю секунды в кругах на воде сверкнула черная точка.

– Весла-то в лодке есть? – Ира была на несколько лет старше беспризорника и весело скомандовала: – Так иди толкай в воду!

– Есть, товарищ командир! – писклявым голосом ответил шкет, вскакивая на ноги и отряхивая песок с живота и трусов.

Он побежал к лодке, отвязал веревку от кола и повернулся в стороны девочки. Тоска улетучилась. Ира подошла к воде, картинно протянула мальчику руку, чтобы он помог ей залезть в лодку. А сирота уже чувствовал себя на седьмом небе. Благородно, по-детдомовски, повернулся к ней спиной, пригнулся и предложил перенести в лодку на карачках.

– Дурила какой! – ответила девочка смеясь, подошла к стоявшей на прибрежной мели лодке, села на борт и перекинула ноги на дно плоскодонки. Затем поднялась, шагнула и села на корму. Здесь были совсем другие ощущения. Прежде всего запах. Он шел от самой лодки, вернее, от ее бортов. Их конопатили и мазали черным кузбас-лаком каждую весну. Запах довольно резкий, но не вонючий и противный, а даже какой-то веселый. С весны он почти выветрился и сейчас не отвлекал внимания от стеклянной воды, что изредка поблескивала отражениями солнечных лучей. Берег застыл горячим песчаным безмолвием. На другом, метрах в тридцати, стеной стояли заросли камыша с узкой расчищенной протокой. Через нее народ попадал на заливные луга, на покосы. В этот час не было никого.

Ирина отвалилась назад, уперлась спиной в корму, руками охватила борта. Нос лодки задрался, Андрей толкнул ее от берега, запрыгнул в лодку и устроился тощим задом на сиденье. Уключины, смазанными солидолом, не скрипели. Греблось тяжело, но терпимо.

– Куда поплывем – направо или налево? – спросил он Ирину. Вопрос был явно лишним, поскольку течение реки остановилось – сток на плотине перед водохранилищем был закрыт.

– Лево руля, – лениво скомандовала Ирина, откинула голову и закрыла глаза. Ее длинные волосы упали в воду. Но она не замечала этого и почти отключилась. Рядом пыхтел мелкий заморыш с присохшим к животу песком, плюхались в воду весла. Высоко в небе нарезала круги большая птица. Другая, уже из камышовых зарослей, как-то бездумно и монотонно издавала крики, похожие на детский плач, или старушечьи причитания «аГа... аГа... аГа...».

Прохладней не стало. Наоборот – голову нещадно напекло. Ира приподнялась и села на корму. Ее мокрые волосы упали на спину и охладили горячие плечи. Девочка привычно скрутила их на затылке, закрыла прохладным мокрым хвостом горевшее от прямого солнца лицо. Когда и мокрые волосы стали горячими, она откинула их кивком головы назад. Затем посмотрела на воду, опустила в нее руку и уже ничто не могло сдержать ее от безумного поступка. Ира хорошо плавала, не боялась воды, поэтому вскочила на корму, подняла руки над головой и ласточкой прыгнула в реку.

Андрей бросил гребсти и скоро увидел, как Ирина вынырнула около камышей. Она на миг повернулась в его сторону, помахала рукой и поплыла вдоль зарослей. Шкет изо всех сил

устремился на лодке за ней. Но треск в камышах и громкий шум крыльев заставили его бросить весла и испуганно повернуться в сторону его новой подружки.

Из камышовых зарослей вырвалась стая огромных цапель. Их спугнула то ли лодка, то ли плывшая рядом со стаей девочка. Птицам, казалось, нет числа. Со зловещим хрипом взлетали они над зарослями одна за другой. Было видно, что Ирина испугалась. Она развернулась в сторону лодки и сделала первый взмах рукой. Но в следующий миг остановилась, лишь ее голова осталась торчать над водой. Испуганный и беспомощный детдомовец увидел вокруг нее десяток черных змеиных голов. Они появились внезапно и словно застыли. Одна «темная кувшинка» показалась из воды рядом с лодкой, и он увидел на змеиной голове два желтых пятна. Это ужи – подумал он и закричал:

– Это ужи – не бойся! – Андрей стремительно сел на деревянную скамейку, схватился за весла и сделал гребок в сторону девочки. Но лодка, как и весла, будто налились свинцом. Цапли исчезли и время остановилось.

Ирина тоже оцепенела. Чертовы птица разбудили не только ужей, но и пару аспидно-черных гадюк. Они медленно струились по воде, приближаясь к девочке. Выпуклые глаза древних тварей сливались с чешуей и с расстояния нескольких метров гипнотизировали дочь Раисы Максимовны – Ирину Горбачеву. Ее глаза остекленели, ноги медленно погружались в вязкое, с переплетением узловатых подводных корней дно. Она громко закричала:

– Мама! – И в этот момент раздался выстрел, затем другой, третий, четвертый. . . Водяные ужи тут же скрылись под водой, но гадюки, по которым и стрелял подбежавший к берегу Олег Калугин, лишь увеличили скорость и устремились к Ирине.

Тощий детдомовец и его будущий куратор от спецслужб Калугин бросились в воду. Но было поздно. Одна из змей уже подплыла в Ирине, вывернула почти наизнанку пасть с двумя ядовитыми клыками и вонзила их в плечо. Перед второй вынырнул трясущийся от страха сирота, и она впиалась клыками уже в его плечо. Через мгновение между детьми оказался Калугин. Он тут же изловчился отстрелить голову сначала одной гадине, потом второй и потащил обмягшие детские тела к берегу.

Он вынес их на берег. Обоих уже свели судороги. Калугин принялся отчаянно высасывать яд из двух багровых ранок на плече Иры. Про шкета он поначалу даже забыл, но память вернула его к реальности, и он начал высасывать яд и у потерявшего сознание очень важного мальчика.

В это время к песчаному берегу прибежал водитель «Волги». Калугин оставил его в паре сотен метров от реки, чтобы тот ждал указаний и отдыхал. Его-то и разбудили выстрелы. Через несколько минут они оба делали детям искусственное дыхание. Но Андрей и Ира так и остались в бессознательном состоянии. Вскоре к ним присоединился сам Калугин. Яд каким-то образом попал и в его кровь.

Они лежали на песке с открытыми глазами, их сердца остановились, зрачки глаз почернели. Как бывает с людьми в минуты клинической смерти. Их астральные тела вышли из телесных оболочек, зависли в нескольких метрах над собственными трупами, с интересом наблюдали за происходящим. Поначалу водитель сел на песок, схватился за голову, но быстро вскочил и побежал за машиной. Подогнал ее к берегу, втащил сначала Калугина на место рядом с водителем, затем осторожно положил детей не заднее сиденье.

Глава 2

Машина уехала. Астральные сущности, похожие на дрожащие в знойном мареве завихрения выхлопных газов уехавшего автомобиля, устремились к воде. Миг – и с легким дуновением ветерка они понеслись к другому берегу и растаяли в камышах.

– Какого лешего вы, Ирина Михайловна, полезли в воду? – прорычал Калугин. Но Ирина никак не прореагировала на его слова, как и маленький шкет. Офицер отвел взгляд от смутного силуэта девочки и не увидел ничего. Лишь ощутил присутствие воды, словно они оказались по другую сторону загадочного полотна Архипа Куинджи «Лунная ночь на Днепре». У ног – аспидно-черная застывшая вода, над ней расходящаяся во все стороны неосвязаемая черная субстанция. Луны не было, лишь где-то вдалеке сверкнула молния, отразившись в стекле воды, затем вторая, но раскатов грома слышно не было. Наконец, в абсолютной тишине послышался отчетливый шелест струй.

К берегу приближалась лодка. Ее крутые борта отражались в неподвижной воде. На корме возвышалась человеческая фигура в длинном плаще. На черное лицо, с серыми пятнами глазниц и ноздрей, надвинут глубокий капюшон. Лодка причалила к берегу, все трое с ужасом принялись разглядывать незнакомца. Олег Калугин наконец понял, что происходит. Первым дернулся Андрюша и спрятался за его спину. Ирина будто окаменела, глядя не мигая на зловещную фигуру. Лодочник стоял неподвижно, не обращал на них никакого внимания.

– Что же, детки, это за нами, – тихо проговорил Калугин.

– Кто он? – пропищал из-за спины детдомовец, пытаясь крепче прижаться к взрослому дяде. Но их силуэты лишь скользили друг о друга, зацепиться не получилось.

– Это паромщик, ваше американское отродье, – грубо ответил Калугин, его распирало от злости. Но ребенок никак не прореагировал на его слова.

– Какой еще паромщик? – спросила наконец Ирина, поскольку зловещная фигура человека в капюшоне по-прежнему никак на них не реагировала. Тот по-прежнему стоял на корме, вполоборота к офицеру и двум испуганным детям. Он никуда не торопился.

– Какой паромщик? Обычный! Только я, Ирина Михайловна, не возьму в толк – как меня, коммуниста, хотя и тайно крещенного моей дорогой бабушкой, угораздило оказаться в языческом царстве мертвых? Читали вы «Мифы Древней Греции»?

– Нет, – ответила дочь секретаря крайкома.

– Мне страшно, – вновь пропищал шкет, но Калугин перестал обращать на него внимание.

– Не буду морочить вам, Ирина Михайловна, голову. Полезли вы в реку с гадюками, укусили они вас вместе с вашим дружком, и вы умерли. И я, дурак, с вами. Хотя компания хорошая – дочь будущего генерального секретаря ЦК КПСС и племянник будущего президента США. Увы, праздник жизни для всех нас не состоится – позвольте помочь вам забраться в лодку. Паромщик без нас никуда не уедет, а нам идти некуда – сами понимаете – в царство мертвых можно попасть только через эту реку.

– Хочу домой, – неожиданно завыл молокосос, но Калугин уже шагнул к лодке, обернулся и протянул руку Ирине.

– Вперед, моя королева! И вы, мой друг! Оставшиеся века мы проведем вместе – все же родственники по крови. Я отсасывал яд по очереди у вас обоих. Так что капля-другая крови растворилась в нас троих!

Ирина взяла его протянутую руку, они вместе шагнули в лодку. Это оказалось совсем просто – взлететь на ее потертые, отполированные миллиардами предшественников доски. Вслед за ними туда же прыгнул и Андрей. Даже он понял, что без него паромщик не отплывет,

а бежать было некуда – кругом крошечная тьма, и только лодка стояла у берега в сполохах неслышимых далеких молний. Малец тихо заскулил, лодка тронулась в пустоту. Берег исчез.

Калугин молчал. Ему не хотелось говорить. Даже не хотелось себя жалеть и думать, что все это неправда. Обычно в самый разгар ночных кошмаров его обязательно будила мысль, что это всего лишь сон. И Олег просыпался. На этот раз наваждение не проходило: он отчетливо помнил, как стрелял из пистолета в голову гадюки, как нырнул в противную теплую воду и тащил двух идиотов на берег. Увы – уже без признаков жизни.

И вдруг – новая реальность. Он стоит в лодке, перед ним сидят двое детей. Он иногда посматривает в сторону паромщика, но тот, как и прежде, не обращает на них никакого внимания. Лишь журчание воды выдавало то, что лодка движется.

Ирина и Андрей сидели перед ним, молчали и будто бы спали. Их последний путь проходил плавно и печально, без ухаб и тряски. Да и может ли бестелесная сущность, каковой Калугин себя уже признал, ощущать, скажем, силу тяжести или перемещение в пространстве? В какой-то момент Олег почувствовал, что голову начинает заносить назад, он не может больше стоять на ногах и вот-вот упадет. Такие позывы обычно случались в юности после жестокой пьянки. Даже в горизонтальном положении тела ноги сами летели вверх, а голова падала вниз.

Он инстинктивно присел и вцепился руками за борт. Вдалеке вновь полыхнула молния. На этот раз из-за невидимого горизонта прилетел раскат грома. Прямо по курсу из воды показалась огромная антрацитовая скала. Она стремительно росла, вода с шумом стекала с нее и падала вниз, превращаясь у поверхности в огромное облако водяной пыли. Оно быстро росло и мерцало в невесть откуда взявшемся лунно-ртутном свете. Калугин вдруг ощутил, что Андрей и Ирина положили руки на его плечи и стоят за его спиной. Оба смотрели на растущую из темной воды скалу, как, бывало, смотрели на врагов народа старые чекисты – со сталью во взгляде и без капли страха. Их глаза сузились, кожа покрылась черной змеиной чешуей. Лишь узкие желтые щели в зрачках проблескивали в сполохах далеких молний. Калугин и дети ощутили себя древними пресмыкающимися. Все трое смотрели на вершину скалы.

Над ней появилась блестящая корона, затем стали вырываться гигантские протуберанцы, от которых их новая змеиная сущность, требующая постоянного тепла, пришла в восторг. Но хаос продолжался недолго, протуберанцы начали скрещиваться в дрожащие, полыхающие огнем, косые линии китайских иероглифов.

– Грядут два властелина – меченый и волосатый! – многократно перекрывая шум падающих потоков воды, голосом Юрия Левитана прочел мерцающий аспид – детдомовец. Протуберанцы заколыхались от его мощи, вновь начали стремительный танец в потоках загробных магнитных полей с молниеносными выпадами огненных жгутов. Мгновение – они вновь выстроились в горящие иероглифы.

– Река смывает белое, черное и красное. Останется желтое! – пропела змея Ирина низким контральто Тины Тернер. Последние два слова разнеслись эхом по всей загробной пустоте. Протуберанцы вновь ожили, опоясали вершину ровными дугами горящих жгутов.

– Ибу ибуди – хайдау муди! – Калугин прочел иероглифы трубным гласом Ангела, предвестника Страшного суда, начал увеличиваться в размерах, опираясь на скрученный кольцом хвост. То же самое происходило с Андреем и Ириной. Вытянувшись черными свечами ввысь, все трое прониклись смыслом последнего пророчества, которое досталось Калугину.

– Шаг за шагом можно достигнуть цели! – прошипели они, словно засыпая.

Протуберанцы замедлили конвульсии, дуги электрических разрядов замерли. Змеиная чешуя у всех троих заискрила, по ней побежали желто-фиолетовые искры. Гадюки вывернули пасти и обнажили клыки. Их хвосты сплелись трехрядной ханьской косой Бянь-фа. Чудовище повернуло морды в сторону паромщика и прошипело.

– Я умер?

Блеск протуберанцев враз прекратился, скала растаяла в черноте, как будто ее и не было. Паромщик по-прежнему стоял не шелохнувшись. Но триединая змеиная сущность услышала тихий шепот.

– Еще не время.

Эти слова стали сигналом обратного отсчета времени. Астральные тела всех троих нырнули в поле земной гравитации. Еще мгновение – и они оказались в своих земных оболочках. В сельской амбулатории вокруг не подающих признаки жизни тел уже суетился десяток людей в белых халатах. Остро пахло нашатырем и серой.

* * *

Новенький Ту-154 мягко приземлился во Внуково, не останавливаясь, зарулил на стоянку. Из иллюминатора Олег увидел черную «Волгу», что стояла рядом, метрах в десяти от подаваемого трапа. «34–43 МОЛ» прочитал он номер и удивился той важности, которую придавал Юрий Андропов его скромной персоне. Серия «МОЛ» Комитета госбезопасности обслуживала только важных охраняемых лиц. Другим шиком «конторы» было сложение парных цифр, разделенных черточкой. Сумма каждой должна быть одинаковой. В данном случае была семерка – любимое число московских партийных шишек. Самому Калугину семерка вдруг напомнила угрожающую позу змеи.

Он сидел на первом ряду. Как только стюардесса открыла дверь самолета, он резко встал, холодно посмотрел в глаза улыбающейся девушке в пилотке с кокардой «Аэрофлота» и сбежал по трапу. Водитель «Волги», одетый в классическую белую рубаху и черные брюки, уже стоял у открытой задней двери.

– Сяду спереди, – коротко бросил ему Калугин, сам распахнул переднюю дверь и сел в машину. Водитель аккуратно подхватил его спортивную сумку, положил на заднее сиденье и захлопнул дверь. И лишь когда «Волга» тронулась в сторону ворот аэропорта, стюардесса начала выпускать из самолета остальные полторы сотни пассажиров.

Председатель КГБ СССР Юрий Андропов вызвал к себе Олега Калугина сразу после того, как военные медики буквально вытащили с того света всех пострадавших от укусов змеи. Горбачев с Раисой Максимовной неделю не покидали больничную палату, где лежала их дочь. Они почти не разговаривали друг с другом, мысленно проклиная тот день, когда поддались уговорам сопливого соседа и отпустили единственную дочь в речной гадюшник. Как положено крупному партийному работнику, Горбачев при встрече лишь сухо поблагодарил Калугина. С обслуживающим персоналом, даже если это охрана от КГБ, он не считал нужным миндальничать.

Сам Калугин, как только пришел в себя, велел врачам перевести в военный госпиталь мелкого сопляка Разина, которого поначалу положили в обычную городскую больницу Ставрополя. Он вдруг ощутил его, Ирину и себя частью единого целого – почти Медузой горгоной. Сравнение забавляло его, но из головы не выходила картина черного мира мертвых и китайские иероглифы. Их смысл был будто бы ясен, но значение еще предстояло постичь.

Машина быстро проскочила Ленинский проспект, свернула на Октябрьской площади к Кремлю и по проспекту Маркса, бывшей Моховой, вырулила на Лубянку, к главному входу. Массивная дубовая дверь, способная, казалось, выдержать атомный взрыв, тяжело открылась, и он прошел в вестибюль. Боец с синими погонами проверил его служебное удостоверение, и он вбежал по лестнице на второй этаж. Здесь располагалась приемная председателя.

Коридор постоянно освещали лампы дневного света, поскольку окон на улицу в нем не было. Здание на Лубянке в начале XX века было доходным домом страхового общества «Россия». С той, дореволюционной, поры оно так и оставалось в гостиничной компоновке – длинный коридор с красной ковровой дорожкой и номера, которые при Феликсе Дзержинском стали

кабинетами начальников. Сначала ВЧК, затем ОГПУ, затем НКВД и вот сейчас – КГБ СССР. Главные начальники сидели не на верхних этажах, как могло показаться по незнанию – мол, высоко сижу, далеко гляжу. Нет, стареющие партийные работники, а к таковым совсем скоро должен был присоединиться и Андропов, старались устроиться пониже, чтобы не зависеть от лифтов. Так, на всякий случай. Вот и Юрий Владимирович выбрал себе второй этаж.

Перед входом с лестничного пролета в коридор, как и положено в строго охраняемых организациях, стоял стол с классической лампой зеленого стекла. За ним сидел офицер. При появлении Олега он встал, отдал честь и попросил предъявить удостоверение. Сверив фотографию с оригиналом, коротко спросил:

– Товарищ майор, имеете при себе табельное оружие? Нож? Портсигар? – Он холодно смотрел в глаза Калугина, но тот, выдержав положенную паузу, четко ответил:

– Никак нет, товарищ капитан, могу идти?

– Идите, товарищ майор! – Он вернул удостоверение Калугину и добавил: – Вам прямо, третья дверь налево.

Калугин пошел по коридору и через несколько метров остановился у двери приемной. Справа от нее висела табличка:

**Председатель
Комитета государственной безопасности
Союза Советских Социалистических Республик
Юрий Владимирович Андропов**

Калугин отворил дверь, вошел в просторную приемную. Дневной солнечный свет заставил его прищурить глаза. После мрачного коридора сразу стало как-то спокойнее. За окном высилась гранитная махина памятника Железному Феликсу. Слава тебе господи, он смотрел не в окно приемной председателя, а куда-то в сторону новенькой гостиницы «Россия», что построили несколько лет назад рядом с Кремлем. В приемной сидели три секретаря и двое посетителей. Один из секретарей с погонами полковника, возможно – ординарец председателя, встал из-за стола, изобразил добрую улыбку и вежливо сказал:

– Здравствуйте, товарищ майор! Присядьте, пожалуйста, я доложу о вас Юрию Владимировичу. – Он указал на черный кожаный диван с прямой спинкой, на котором сидел человек в гражданской одежде. Он с интересом рассматривал Калугина, как видно, удивившись реакции секретаря председателя Комитета. Тем временем полковник сел на место, поднял одну трубку телефонного коммутатора и нажал первую клавишу сверху.

– Товарищ председатель, к вам майор Калугин, – и тут же: – Есть, товарищ председатель! Два чая и бутерброды!

Он положил трубку, вновь встал со стула и обратился к Олегу:

– Товарищ майор! Юрий Владимирович вас ждет, проходите, пожалуйста!

После этих слов оба посетителя посмотрели на часы и одновременно вздохнули. Было ясно: ждать им придется долго. Калугин открыл дверь кабинета председателя, оказался в предбаннике, открыл вторую дверь и вошел внутрь. За его спиной обе двери бесшумно захлопнулись.

Андропов сидел за большим столом, с классической настольной лампой под зеленым стеклянным абажуром, что-то дочитывал. Сравнительно небольшой кабинет с темными дубовыми панелями по стенам выглядел аскетически скромно. Несколько шкафов с книгами, карта СССР на одной стене, карта мира на другой. Рельефный глобус полутораметрового диаметра с цепочками гор, впадинами морей и океанов, подводными горными хребтами. Длинный стол, два десятка стульев, в углу журнальный столик с парой кожаных кресел. В другом углу – огром-

ные напольные часы темно-вишневого дерева с мудреным циферблатом. Часы громко тикали и, казалось, вот-вот разразятся громким боем.

– Ну, здравствуй, Олег Данилович! – произнес наконец Юрий Владимирович, снимая очки с оправой без нижнего ободка, которые он так любил.

– Здравия желаю, товарищ председатель Комитета государственной безопасности! – четко проговорил Калугин, но руку к голове, как и положено военным, прикладывать не стал. Вытянул их по швам. Без фуражки прикладывать руку к голове – не по уставу, в отличие от американцев. У них к пустой голове руки прикладывают все кому ни лень – от отставного корабельного кока до президента.

Председатель сидел за письменным столом в белой сорочке и сером джемпере без рукавов. Его тонкие, обычно плотно сжатые губы расслабились. Он улыбнулся, встал, вышел из-за стола и обнял подошедшего к нему Калугина.

– Рад, что все обошлось, – проговорил он и похлопал майора по плечу, – думал, сорвешь весь план, сорвешь по дури! – Андропов держал Калугина за плечи и внимательно, по-отечески смотрел на Олега. – Ну не будем об этом! Докладывай в деталях. – Он указал рукой на журнальный столик. С одного из многочисленных телефонов председателя раздался тихий звонок и голос ординарца, которого Андропов назвал Николаем, доложил:

– Чай готов, разрешите войти?

– Давай неси, – ответил, не глядя на коммутатор, Андропов.

Они подошли к столику, сели. Председатель откинулся на мягкую спинку кресла, Калугин соблюдал субординацию и устроился прямо, поджав ноги под сиденье. В кабинет вошел ординарец.

– Поставьте сюда, – жестом указал Андропов, и тот аккуратно «приземлил» с подноса на инкрустированную поверхность столика два стакана с чаем в серебряных подстаканниках, сахарницу со щипчиками, тарелку с сушками. На второй тарелке лежала стопка бутербродов из белого хлеба с любительской колбасой. Такая «Любительская», светло-розовая с ярко-белыми кусочками жира, продавалась только в Елисеевском на улице Горького. Калугин всегда покупал ее, когда приезжал сюда в командировку.

Андропов о чем-то задумался. Вытянув нижнюю губу, он не мигая смотрел в пространство перед собой, будто забыв про Олега. Последние две недели после ЧП в семье Горбачевых, когда Калугин Олег находится между жизнью и смертью, он почти не спал, стал раздражительным. Слишком большая ставка на этого парня была сделана им почти пятнадцать лет назад.

В конце пятидесятых, сразу после работы послом СССР в Венгрии, Юрий Андропов был направлен в аппарат ЦК КПСС на должность заведующего отделом. Курировал международные дела, и в первую очередь Китай. Но по личному указанию Хрущева главной его задачей стала проработка курса на сближение с Западом – слишком велик был страх перед ядерной войной, о которой не говорил в то время только ленивый. Но как готовить это сближение? Проще сказать, чем сделать. Маячила игра вдолгую – лет десять, а может, и все сто. Ясен был лишь механизм: заставить руководителей стран – не Хрущева и Трумэна, а тех, кто придет после них, начать друг к другу хотя бы принюхиваться. Для начала. Дипломатия – само собой, но в первую очередь предстояла игра на «невидимом фронте».

Андропов мало понимал в разведке и начал с очевидного. Попросил своего старого знакомого, первого председателя только что организованного Комитета госбезопасности генерала Ивана Серова, присмотреть ему перспективного парня. Так, чтобы никто об этом не знал. Никто! Этакого Джеймса Бонда, из романов англичанина Флеминга. Его книжки стали издавать в Британии в середине пятидесятых, но наши партийные деятели могли читать их в переводе. Книжонки делали мизерными тиражами специально для членов ЦК. Ну, чтобы знать повадки врага в лицо.

Генерал Серов справился с просьбой быстро. Выбор пал на слушателя Высшей разведшколы номер 101 при Совмине. Его звали Олег Данилович Калугин, двадцати четырех лет. Умный, без дурных привычек, с безупречным здоровьем и биографией, сын сотрудника Ленинградского НКВД.

Андропов, не откладывая, прочитал личное дело слушателя разведшколы, посмотрел фотографию. Ничего азиатского, европейские черты лица, строгий взгляд, выдающие сильный характер тонкие губы. Закрыв папку с личным делом, он по «вертушке» поблагодарил генерала Серова.

Разведшкола базировалась в подмосковной Балашихе, и курсанта Калугина немедленно вызвали на Старую площадь, напрямиком к заведомо ЦК партии Андропову. По тем временам – начальнику огромной, почти нечеловеческой величины. В его кабинете у них был долгий разговор. Калугин оказался политически подкован, знал имена лидеров мировых держав, разбирался в международном коммунистическом движении. По Китаю был слабоват, но Китай пока не беспокоил и самого Юрия Владимировича. Беспокоили Соединенные Штаты.

Что-то подсказывало Андропову, возможно особое чутье, что курсант человек надежный. И он без долгого, многодневного прощупывания предложил Калугину особую работу на всю жизнь. Обозначил и конечную цель – помочь советскому руководству создать условия сближения с США перед угрозой начала термоядерной войны. Олегу предстояло немедленно отправиться на стажировку в США, в Колумбийский университет Нью-Йорка под прикрытием студента факультета журналистики. Если будет попытка его вербовки – поломаться только для вида. И пойти на контакт.

Андропову, как всегда, повезло и на этот раз. В Нью-Йорке, сразу после начала стажировки, на контакт с Олегом вышел вербовщик ЦРУ и предложил нехитрую комбинацию: Калугин «вербует» бывшего русского, «обладателя» ракетных секретов. Получает от него настоящую информацию о ракетном топливе, передает ее в Москву. После возвращения домой становится в Москве агентом ЦРУ.

Калугин, ясное дело, долго и убедительно отрешивался от измены родине, но через неделю позволил напоить себя в компании «студентов» и затащить в постель с проституткой. Там его, советского студента, и сфотографировали. Случилась классическая «медовая ловушка», крупнейшими специалистами в которой были как раз в КГБ. Олег с удовольствием закрепил на практике все ее фазы, поскольку изучал тонкости «медовой ловушки» лишь теоретически, в разведшколе. Предъява не заставила себя ждать.

На следующий день, в перерыве между лекциями, человек в темно-сером плаще и черной фетровой шляпе предъявил Калугину фотографии его морального падения. На размышление дал три дня. Олег, как и положено припертому к стенке советскому человеку, все эти дни по-черному пил, не брился и не менял белье. Когда к нему пришли за ответом, вонь, пустые бутылки на полу, небритое и мятое лицо стали лучшим доказательством его личной трагедии и осознания невозможности отказаться.

Так началась игра вдолгую подающего большие надежды заведующего отделом ЦК КПСС Андропова. Затем было возвращение «студента» домой, долгий разговор с Юрием Владимировичем и новая командировка в США. На этот раз в качестве корреспондента «Московского радио» в Нью-Йорке. Затем новое возвращение в Москву и новая командировка уже в качестве пресс-секретаря посольства СССР в США, затем стремительная карьера уже в центральном аппарате КГБ СССР. Все это время он исправно писал донесения в ЦРУ. Причем шифровки шли лично директору ЦРУ, поскольку Калугин занимал важнейшие посты в иерархии КГБ – вплоть до начальника Управления внешней разведки. Андропов передавал через Калугина действительно важные сведения. Вплоть до имен нескольких резидентов советской разведки в Европе и США. Но конечная цель оправдывала эти жертвы. Калугин стал для американцев особо секретным кротом в КГБ. Проходил под конспиративным именем Sturgeon – «Осетр».

О нем знал только директор ЦРУ. Причем уходящий директор ЦРУ передавал этот контакт новому только наедине, чтобы об «Осетре» больше не знал никто, кроме самого высшего руководителя разведки. Все, кто был причастен к его «вербовке» в Нью-Йорке, были ликвидированы. Таким образом, об «Осетре» знали только Юрий Андропов и директор ЦРУ.

На этом первая фаза задумки Андропова – самая простая – была завершена. Почтовый голубь, а точнее, секретный канал связи с директором ЦРУ был налажен. Наступила фаза поиска будущего советского лидера, который не станет пугать американцев. Еще лучше – усыпит их бдительность либо своим миролюбием, либо простодушием, либо просто глупостью. Выбор Андропова пал на бывшего комбайнера Михаила Горбачева. Оба его деда были репрессированы. Полгода в детстве прожил под немецкой оккупацией.

Из личного дела на комсомольца Горбачева Юрий Андропов узнал, что тот закончил юрфак МГУ, был в меру туповат и упрям, сам пролез в руководство ставропольского комсомола, и уже там был замечен кадровиками КГБ. К 1970 году уже Андропов, став председателем Комитета госбезопасности, сделал его первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. А Олег Калугин был направлен под его начало в качестве официального прикомандированного от «органов», что являлось обязательной практикой. Напутствуя Олега, Юрию Андропову даже не понадобилось вилить и наводить тень на плетень. Калугин был посвящен в самое главное: Горбачев взят в разработку на должность генсека ЦК КПСС, то есть будущего властителя Советского Союза. Андропов надеялся увидеть этот момент и был уверен, что Олег Калугин продолжит его дело, если с ним что-то случится.

Перед отъездом в Ставрополь вместе с председателем КГБ они составили текст шифровки председателю ЦРУ Ричарду Хелмсу. В ней «Осетр» доложил, что получил новое назначение от Юрия Андропова. Что отбывает в Ставрополь куратором КГБ первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, возможного сменщика Брежнева на посту генсека – Михаила Горбачева. В ответной шифровке оказалось минимум текста: «Осетру. Успешного выполнения. Сообщите, что нужно для работы? Сумма? Оборудование? Отец». Отцом в их радиобмене подписывался директор ЦРУ.

* * *

Председатель Юрий Андропов отогнал наконец эти воспоминания от себя. Поднял голову и внимательно посмотрел в лицо Олега. Что-то в нем изменилось. Взгляд! Калугин не мигая глядел на него и как будто покачивался из стороны в сторону.

– Хоть понимаешь, чем ты, а вернее, я рисковал, когда ты бросился спасать мальчишку и эту, как ее, дочь Горбачева...

– Ирину, – напомнил Олег, в его зрачках мелькнула желтая искра. А может, председателю это показалось?

– Вообще говоря, не думаю, что главное в той истории – эмоции. До сих пор ты был вполне разумный офицер. Дочь Горбачева, погибни она от укуса змеи или по любой другой причине, не повод прерывать операцию ценой твоей жизни. Надеюсь, ты помнишь, что ни твоя, ни моя жизнь уже нам не принадлежат? Отдай ты Богу душу, и дело последних пятнадцати лет, которому мы фактически поклялись отдать жизни, закончилось бы на взлете. Заменить тебя я уже не смогу. – Андропов оторвал спину от кресла, взял бутерброд с колбасой и принялся жевать. Другой рукой взял щипчиками кусок колотого сахара и бросил в стакан. Чай уже подостыл, но не это было сейчас важно. Председатель явно ждал, что ответит Калугин на его недвусмысленный упрек.

– В том-то и дело, Юрий Владимирович, что эмоций там было ноль! – Олег соединил первый и указательный палец в гьян-мудру, похожую на ноль, и поднял ладонь на уровень глаз. Андропов не перебивал, спокойно жевал бутерброд, не притрагиваясь к стакану с чаем. – Все

дело в мальчишке. Разин Андрей Александрович, сирота и детдомовец 1963 года рождения, как банный лист прилип к жопам всех Горбачевых. Сначала к матери Михаила Сергеевича – Марии Пантелеймоновне. Затем ко всем остальным. Живет у ее соседки. Она уже не первый год берет его из детдома на лето.

– Веская причина, кто ж детдомовца пожалеет, кроме нас, чекистов? Вы, часом, не родственник Дзержинского? Он тоже любил беспризорников. – Андропов покончил с бутербродом, взял подстаканник с чаем и принялся громко, со звоном ложкой о стекло, размешивать сахар. Очень злился.

– Юрий Владимирович, все не так просто! Когда я привез Горбачевых к матери, этот беспризорник, как вы его назвали, сразу показался мне подозрительным.

– Слава богу! Вы же крупный профессионал, Олег! Сумеете отличить босяка от вражеского агента, – продолжал издеваться над Калугиным председатель. Он никак не мог остановиться. Но Калугин продолжал вести себя спокойно, и Андропов понял: лучше не перебивать и дожидаться конца доклада. К тому же ему показалось, что зрачки майора начали темнеть. На мгновение ему стало не по себе. Но Калугин вновь заговорил, и наваждение улетучилось.

– Я выгрузил вещи Михаила Сергеевича, как и положено, дождался вечера. Охраняемые лица ушли в дом. Рванул в Ставрополь, в Управление, и полез в архив. Искал, есть ли что-то на этого сопляка Разина. – Андропов поставил подстаканник с остатками чая на стол, вновь откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе и уже серьезно слушал Калугина – тот явно чего-то нарыл. – Оказалось, что на него, вернее его родственников, органами НКВД давно заведено дело, еще в 1945 году. Детдомовец Разин оказался сыном некоей Валентины Барсуковой, дочери Екатерины Барсуковой, осужденной за связь и даже женитьбу с немецким офицером в годы оккупации. Екатерина Барсукова скончалась в лагерях. Валентина погибла с мужем в автокатастрофе, их сын Андрей остался сиротой.

– Так в чем же главное? – не выдержал Андропов.

– Главное в том, что немец, муж Екатерины Барсуковой, оказался ближайшим родственником молодого американского миллионера Дональда Трампа. По немецкому аусвайсу фамилия Екатерины была зарегистрирована немецкой комендатурой в оккупированном немцами Симферополе как Барсукова-Труммп по мужу. Деда этого немца и американского бизнесмена Трампа, рожденные еще в XIX веке в Германии, были родными братьями. Это их фамилия – Трумп. Один остался в Берлине, второй эмигрировал в США, где эта немецкая фамилия произносится как Трамп. Я навел справки и оказалось, что американец Трамп направо и налево раздает интервью и всякий раз хвастается, что обязательно станет президентом США. То есть хитрожопый замухрышка Андрюша Разин – дальний, но прямой родственник американца Дональда Трампа. И его фамилия на законных основаниях может значиться как Разин-Труммп. Или Трамп. Как вам больше нравится.

– Что известно о Трампе американском? – спросил Андропов.

– Выпускник Военной академии в Нью-Йорке, сегодня один из самых успешных американских бизнесменов. Извините за инициативу, но у меня проскочила мысль – узнай об этом директор ЦРУ, он непременно стал бы подталкивать Трампа в Белый дом.

– Зачем?

– Чтобы иметь на него тяжелый компромат – мол, в СССР у Трампа есть близкий родственник, сотрудник КГБ.

Андропов недоуменно вскинул брови.

– Если играть вдолгую, то Андрея Разина-Трумпа по достижении 18 лет можно сделать сотрудником КГБ и придать ускорение для получения воинских знаний – чем выше, тем лучше.

Андропов молчал. Замолчал и Калугин. Председатель удивился той легкости и простоте, с которой на его глазах вырастал второй этаж давно задуманной конструкции – руководителям спецслужб Советского Союза и Соединенных Штатов завести ручных президентов и генсеков.

В конце концов, влияние было бы абсолютно перекрестное – здесь не обманешь. Под угрозой раскрытия деталей игры спецслужб, их руководители будут держать общий план под самым строгим секретом.

– То есть ты предлагаешь сообщить Хелмсу, что в Советском Союзе живет ближайший родственник Дональда Трампа и ты готов гарантировать его карьеру в КГБ, чтобы Трамп был у Хелмса и у всех следующих директоров ЦРУ на крючке, если в ЦРУ примут решение толкать его в Белый дом?

– Так точно, – ответил Калугин.

– И в том случае, если операция по продвижению Трампа в Белый дом найдет в ЦРУ понимание, то мы, то есть ты, будешь готов информировать их о Горбачеве, если Андропов, то есть я, продвину его в генеральные секретари ЦК КПСС?

– Это ваше решение.

– Да, Олег Данилович! Не зря ты на гадюк бросился. Кто б мог подумать – найти на помойке родственника будущего американского президента.

– В доме Михаила Сергеевича Горбачева, – поправил Калугин, но осекся.

– Не заигрывайся, – жестко поправил его Андропов, сверкнув глазами.

– Прошу прощения, эмоции.

– Спрячь подальше, – уже спокойнее сказал Андропов и взял второй бутерброд. – Значит так, – проговорил он, жуя, – бери бумагу и пиши шифровку Хелмсу. Другого такого стечения обстоятельств точно не будет. Пусть ответит, там посмотрим. И чем быстрее, тем лучше. Откажется – придумаем «План Б» по спасению мира, как говорят в книжках Флеминга. Ты все сказал? – спросил он Калугина уже миролюбиво и заметил, что тот слегка смутился, нахмурил брови.

– Юрий Владимирович, – начал Олег, глубоко вздохнув, – если расскажу вам еще одну историю, сочтете меня идиотом.

– Все мы идиоты. Нормальные люди дома сидят, на работу ходят, пиво по пятницам пьют и шашлыки на дачах жарят. Мы другие. Рассказывай, – коротко приказал он.

– Между укусами змей и доставкой нас в больничку, мы все трое – Андрей Ирина и я будто бы улетели куда-то в черноту. Мы видели друг друга в лодке с черным паромщиком, плыли в царство мертвых. Мне продолжать? – спросил он Андропова.

– Продолжайте, – последовал ответ.

– Потом из черной воды выросла гора, и на ней появились китайские иероглифы. Мы превратились в огромных змей, наши хвосты сплелись в единую косичку.

– Вы увидели иероглифы? – приподнял брови Андропов.

– Да, было три «включения». Первым читал Андрей – мол, грядет пришествие меченого и волосатого.

Юрий Андропов разом насторожился.

– Меченым у нас в кадрах называют Мишу Горбачева – ты видел его пятно на лбу?

– Пятно есть, но его почти не видно за волосами. Заметно, лишь когда он купается и мокрые волосы слизываются назад. А кто волосатый? – с любопытством спросил Олег.

– Да кто угодно. Мы все волосатые. Что при социализме, что при капитализме. Да хотя бы и Трамп! Надеюсь, он волосатый, а не лысый. Что еще?

– Ирина-змея прочитала что-то в том духе, что грядет желтое и смоем белое, черное и красное. – Андропов нахмурил брови, выставил вперед нижнюю челюсть.

– Ты чего-то читал? – Да.

– Говори, не тяни резину!

– Что-то по-китайски. «Ибу-ибуи, хайдау муди!»

– Перевод знаю. Китайца долдонят это как заведенные – мол, шаг за шагом к победе.

Андропов заметно помрачнел и задумался. Взял сушку, сломал ее, сжал в кулаке, вторую, третью, четвертую...

– Ты в другой раз свои видения мне обязательно рассказывай, – проговорил он наконец. – Это похоже на пророчество, хотя в эту чертовщину я не верю. Пророчество связано с китайцами. По первому впечатлению кто-то подсказывает нам, что они всех скоро уделают. Пока мы думаем, что китайцы продолжают ловить воробьев и летучих мышей для пропитания, там что-то происходит. Да и американцы зачастили в Пекин. Недавно у Дэн Сяопина был известный американский футуролог Тоффлер с женой. Книжки пишет о будущем мире. Может, он крошку Сяо на что-то надоумил. Надо Тоффлера в Москву пригласить. Не забыть, – сказал он уже как будто самому себе.

– Но об этом потом! – подытожил Андропов. – Не зря я эту свистопляску затеял. И тебе придется тянуть ляжку до конца. Иначе пи...дец настанет всем, – неожиданно закончил председатель. Пиши шифровку Хелмсу.

* * *

«Осетр – Отцу. В Ставропольском крае, РСФСР, обнаружен ближайший родственник американца Дональда Трампа – Андрей Разин, 9 лет. Его дед и дед Дональда Трампа родные братья, рождены в Германии. Готов обеспечить Андрею Разину карьеру в структурах КГБ СССР, чтобы в будущем вы имели рычаги воздействия на г-на Трампа, если он станет президентом США. Об этом он неоднократно говорит в своих интервью. Готов передавать информацию о Михаиле Горбачеве, которого председатель КГБ СССР Юрий Андропов планирует сделать Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Ответ прошу не задерживать».

«Отец – Осетру. План принят в работу».

Глава 3

Рогатый круглый уродец, наполненный примитивной лентой РНК и названный страшным словом «коронавирус», перепугал весь мир. Народ загнали по квартирам, велели носа не показывать на улицу. За непослушание – крупный штраф. Знакомый врач сказал Андрею, что все это полная хрень, обычный сезонный грипп, а «коронавирус» высосан из пальца.

Но кто и у кого чего-то высосал, еще бабка надвое сказала! Поэтому приходилось сидеть дома. Его квартира на Неглинной улице вполне годилась для длительной отсидки. Дом стоял посреди средней величины торгового центра, с открытым на время эпидемии продуктовым магазином. Попасть в него можно было прямо из квартиры через подземный гараж, но Андрей Александрович, известный музыкальный продюсер, все же наташил домой несколько ящиков тушенки, упаковки с крупами, сахаром и солью. И – ясное дело – забил кладовку рулонами туалетной бумаги. Сам он, в прошлом детдомовец, привыкший с детства обходиться без буржуазного пипифакса, смеялся в глубине души над этим сумасшествием – пожрать и посрать перед смертью, но непременно с мягкой туалетной бумагой. «Тушенка с гречкой, как на зоне, а подтираться непременно итальянской, четырехслойной», – ржал он в разговоре с любимой подругой Наташей Гулькиной, которую знал уже лет двадцать пять. Последние несколько лет он возил эту заметно располневшую, но со следами былой красоты даму, по «дискоотекам 90-х» в компании еще не спившихся старичков и старух. Все – бывшие звезды эстрады времен перестройки и ельцинского угара.

Андрей выгуливал и свое огромное, 150-килограммовое тело, по сценам провинциальных городов, на корпоративах, привычно напевая под фанеру любимые хиты для состарившихся детишек 80-х – «Белые розы», «Розовый вечер». Как и всю остальную пургу «Ласкового мая», который ему навязали «органы» в своих неведомых и шкурных интересах.

Шел девятый час вечера. По телевизору диванные эксперты продолжали пугать коронавирусом. Доктор Мясников, еще вчера уверявший зрителей, что ковид-19 – это ерунда, обычный сезонный грипп, вдруг развернулся на 180 градусов и начал топить в другую сторону. Зейналова, нервная дама из телевизора, похоже, окончательно спятила. С утроенной силой махала руками, страшала десятками тысяч умерших от «коронавируса» в России.

– Слава богу, интернет работает, и эту блевотину можно не смотреть, – сказал он сам себе, поскольку в квартире никого, кроме него, не было. Жена давно уехала в США, он жил на Неглинке один и часто разговаривал сам с собой, когда сидел один дома или вел машину.

Словно в подтверждение его слов, а может, и благодаря упоминанию Бога в настольном компьютере раздался булькающий звук вызова по скайпу. Андрей нажал красную кнопку на пульте телевизора, без сожаления простился с Зейналовой. Встал с изрядно помятой кровати, на которой лежал, обложившись подушками, целыми днями, выходя из спальни лишь по крайней надобности.

Вызывал абонент с аватаркой Масличной горы в Иерусалиме.

– Вспомнил родненький, – сказал он сам себе и щелкнул курсором по значку видеокмеры на скайпе. На экране появился патриарх Борис. Был одет в черную рясу, на голове черный клубок.

– С Вербным тебя воскресением, сын мой, – с хитрым прищуром проговорил Патриарх и осенил крестным знаменем Андрея.

– Спасибо, святой отец, и тебя с праздником! Позволь руку поцеловать, – сказал он и приблизил губы к монитору компьютера.

– Богохульник, – со смехом произнес патриарх, – но тебе и через оптическое волокно можно. Тебя Бог любит! – Он прислонил «длань Бажью» к камере своего компьютера. Изоб-

ражение святого отца на мониторе Андрея Разина враз исчезло, экран почернел – это была рука патриарха Бориса.

Андрей припал губами к экрану и несколько раз громко, чтобы слышал Борис, поцеловал стекло macbook.

– Вот так! Вот так! Вот так! – приговаривал патриарх из динамиков, будто на самом деле ощущал припавшие к его руке губы своего крестного. – Ну, хватит! – наконец сказал Борис и убрал руку от камеры компьютера.

– Приехал бы к тебе в гости, но охрана не пустит. Даже Пасху буду служить в одиночестве. Может, пара служек будет. Вот со священным огнем совсем беда. В Израиле больше ста человек Богу душу отдали от бесовского коро-навируса. В том числе монах из Армянской апостольской церкви. Это они переносят огонь из Гроба Господня в храм Воскресения Христова. Все перепуганы. Печально.

– Знаю, Борис Абрамович! Вы не в таких переделках бывали, чего-то придумаете, – ответил с вежливой улыбкой Андрей.

– Уже придумал, – без паузы ответил патриарх.

– И где огонь будем брать, у кого? Самолет в Израиль не пустят.

– Иудеи, прости меня господи, мой самолет на библейскую землю, ясно, что не пустят. Как чувствовал, да и Господь надоумил – приберег прошлогодний огонь. Теплится в лампаде, в Высоко-Петровском монастыре, за шесть веков отмоленном. Огонь там даже лучше стал, крепше и ярче, прости господи! Монастырь рядом с тобой, на Петровке.

– Спасибо, Борис Абрамович, – улыбнулся Андрей. – То-то меня припекает весь год, кошмары перестали сниться.

– И слава богу! Отключаюсь – дел невпроворот!

– Благословите, Христа ради! – попросил Андрей на прощание.

– Благословляю, – без паузы произнес патриарх и осенил узника коронавируса крестным знаменем. Раздалось характерное для скайпа бульканье, и патриарх Борис с экрана исчез.

Уходить от стола с компьютером не хотелось – вставать тяжело. Последние годы он нещадно набирал вес. В нем уже трудно было узнать стройного красавчика, что тридцать лет назад прыгал по сцене в полосатых джинсах в обтяжку. Андрей включил поисковик Яндекс, начал смотреть ленту новостей. Одна зеленая тоска – бесконечный бред про коронавирус, про десятки покойников, как будто все умершие в Нью-Йорке и Москве – жертвы гриппа, пришедшего из Китая. Но в Москве и без гриппа каждый день умирают 700–800 человек. В Нью-Йорке того больше.

Он физически почувствовал, как новости, словно черная воронка, затягивают его в пустоту. Вспомнилась сказка из детства – черная река в царстве мертвых, где с будущей женой и охранником ее отца они оказались втроем после укусов гадюк. Почти полвека прошло, и он с каждым годом все меньше верил в реальность того дня. Хотя вон на стене висит свадебная фотография. Андрей стоит с Ириной, Михайлом Сергеевичем и Раисой Максимовной. Он и Ирина, веселые и счастливые, а вот родители остались навсегда с натянутыми, даже вымученными улыбками. Хотя есть на фотографии еще один весельчак. Из-за спины Андрея торчит веселая физиономия его свидетеля на свадьбе Ромки Абрамовича. Он подружился с ним еще в ставропольском детдоме и пригласил на свадьбу вместе с другими бывшими сиротами, кого удалось найти. Других родственников, кого он мог знать, у него не нашлось.

– Давно не виделись, – вновь сказал сам себе Андрей и надумал передать привет Роману от патриарха Бориса. Знал, что они познакомились несколько лет назад, когда патриарх прилетел в Анадырь отслужить литургию и освятить кафедральный собор Святой Живоначальной Троицы. С той поры патриарх никогда не передавал привет губернатору Чукотки через Андрея. Не сделал этого и сегодня. Но от скуки уже хотелось выть. Андрей кликнул в скайпе список контактов. Абрамович был под номером один. Его аватарка с белым медведем, как на гербе

Чукотки, была помечена зеленым пятнышком. Значит, Рома в Сети. Андрей навел на медведя курсор и щелкнул мышью. Последовали гудки вызова – один, второй... десятый, двадцатый. Андрей дал отбой – Роман был занят, несмотря на то что в Анадыре было всего шесть утра. Сеанс связи пришлось отложить.

Он с трудом оторвался от стула и пошел в кухню. Не оставалось ничего другого, как согреть чай и открыть коробку с конфетами «Птичье молоко». Он перешел на них с чистого шоколада, когда начал прибавлять в весе по полкило в день. Он уже открыл коробку с конфетами, когда характерное бульканье скайпа заставило его вернуться в спальню, где стоял компьютер.

– Ромочка проснулся, – обрадовал он сам себя, но вызов шел не от него. На аватарке красовалось личико его жены – Ирины Михайловны. Уже тридцать пять лет жена жила в США. Они расстались физически, но развода не оформляли, даже пару раз в году говорили друг с другом по телефону. Он вовсе не чувствовал себя брошенным мужем. Они даже виделись иногда. Несколько раз за последние двадцать лет жена устраивала ему гастроли в Америке.

Он навел курсор на аватарку и включил связь.

– Здравствуй, Андрюша, – первой заговорила жена. Как две капли воды она походила на свою мать. Тот же овал лица, те же лукавые глаза. Только прическа другая – с короткой стрижкой. За ее спиной, на экране компьютера, колыхались на ветру пальмовые ветви. Такая же ветка, но торчащая из пасти осла, красовалась на белой футболке Ирины. Под ослом буквами всех цветов радуги горела надпись: CANNES-2019. Выглядела Ира молодо, на лице красивый загар. Для своих шестидесяти трех лет – просто превосходно.

Андрей расплылся в довольной улыбке:

– Привет, Ирочка, ты чего так рано? – вместо приветствия спросил он, хотя в Лос-Анджелесе, где давно жила Ирина Разина, было одиннадцать утра. Он вновь устроился на стуле за письменным столом, открыл таки коробку с конфетами. – Ты ослов полюбила? Похож на Трампа, – засмеялся Андрей, но Ирина, зная его как облупленного, ждала, пока он выговорится, и молчала. – Много трупов на улицах? Ты сама-то не болеешь? А то у нас такие ужасы показывают про Нью-Йорк! Будто покойников хоронить уже негде, братских могил не хватает.

– В Лос-Анджелесе спокойно. Машин меньше стало. Ты давно разговаривал с отцом? – Она резко поменяла тему гриппозных носов, соплей и трупов.

– Давно. Зачем уважаемого человека нервировать? Но он держится молодцом, Путина иногда поругивает. Ты чего меня вдруг вспомнила? – Андрей принялся жевать конфету, настроение заметно улучшилось. – Хочешь на гастроли пригласить? Я готов! – засмеялся он, но Ирина оставалась серьезной.

– Помнишь, четыре года назад, перед президентскими выборами, готовились твои гастроли по США для русских? – начала Ирина. – Протопить за Трампа.

– Конечно, помню, память у меня хорошая. Предлагали 20 тысяч за концерт. Чикаго, Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес, Бостон. – Разин закладывал пальцы. – Сто косарей. Как нищему – я здесь на двух корпоративах столько получаю. За фанеру. И все равно в последний момент кинули! А я концерты в Сибири и Сочи отменил, новые носки купил, шнурки погладил, ботинки лакированные, фанеру по-новому записал, – начал он придуриваться и звонко, по-настоящему рассмеялся. – Ну ладно, не обижайся. Опять выборы на носу? – Андрей дурашливо, с одышкой запел:

– Белые розы, белые розы, беззащитны шипы

Что с вами сделал снег и морозы...

Ирина повернулась вполборота от веб-камеры и уставилась куда-то в угол. Вместо нее на Андрея Александровича с ее футболки смотрел осел.

В его голове промелькнула обида, как будто жена не просто показала ему свое барское презрение, к которому он так и не привык за несколько лет далекой семейной жизни. Она специально надела футболку с огромной головой осла, который с любого ракурса смотрел тебе прямо в глаза. Вот и сейчас он уставился на Андрея, оголив желтые зубы и прищулив глаз, как будто предлагал другому осла вместе выпить. Но ругаться, да еще в скотское время домашнего ареста, не хотелось. Ирина повернулась к нему, словно прочла его мысли о нанесенной обиде. Физически ощутила приближение знакомого приступа в стиле «моча ударила в голову» своего далекого московского мужа:

– Я не случайно футболку с животным надела. Это символ Республиканской партии США. В ноябре здесь выборы и Трамп опять предлагает тебе гастролы для русских по Штатам. Финальный концерт в начале сентября в Нью-Йорке, на бейсбольном стадионе Shea, где «Битлы» давали первый концерт в США.

– Сколько? – спросил он уже серьезно.

– Чего «сколько»?

– Сколько концертов и сколько отгрузят за концерт? – перешел к деловому общению Андрей. Последние годы он торговался только с владельцами ночных клубов и небольших провинциальных стадионов. Их аренда стоила немного, и стадионы наполнялись почти под завязку. Посмотреть на тени прошлого, которые пели под ту же фанеру, как и тридцать лет назад, хотели многие. Да и билеты Разин «отгружал» по-божески, по триста рублей.

– Пока речь идет о твоём согласии. Если ты говоришь «да», то планируется не меньше шестидесяти концертов за два с половиной месяца. Сначала Западное побережье, затем Чикаго и Канзас. Третья часть – Восточное побережье: Техас, Флорида. Далее на север со всеми остановками. Предпоследний концерт в Бостоне – там много давно осевших русских, финал – в Нью-Йорке. Трамп в это время улетит на военную базу на Окинаве. Пресса, а она здесь очень влиятельная, будет сосредоточена на нем, ты спокойно отработаешь. Русские в Нью-Йорке и без агитации всегда голосуют за республиканцев. Но им будет очень приятно – тебя примут как подарок.

– Таки шо? Это мой личный подарок миллиардеру Трампу? – вновь не удержался и съехидничал Андрей. Он отвалился на спинку стула, засунул очередную конфету в рот. Передние ножки стула оторвались от пола, он принялся медленно качаться. Через мгновение раздался треск, он чудом успел занять правильное положение, иначе рухнул бы на пол.

– Господь с тобой, Андрей Александрович! Пятьдесят тысяч долларов за концерт. Частный самолет и номера люкс в каждом городе.

– Плюс ты вернешься к мужу, – добавил он, скрестив пальцы рук на огромном животе.

– Вернусь, если ты избавишься от половины веса и станешь похож на прежнего Андрея, – без раздумий отреагировала она.

– С половиной веса точно буду похож на сироту, – в раздумье согласился он, считая общую сумму гонорара. Выходило три миллиона долларов. По курсу в рублях 240 миллионов рублей. В обескровленной коронавирусом Москве на эти деньги можно было купить целый этаж в доме дореволюционной постройки на Петровке или Мясницкой. Разин давно вкладывал гонорары в покупку квартир – с ними не страшно встречать пенсию. А он с детства боялся старости. Фактически готовился к ней всю жизнь. Даже приобрел три участка земли на Троекуровском кладбище. И этим был похож на американцев – те откладывают деньги на собственные похороны всю жизнь.

– Репертуар? – уже совсем по-деловому спросил он. – Ты же знаешь, я пою пятнадцать песен плюс рассказываю про своего тестя Михаила Сергеевича, сравниваю концертную площадку, на которой выступаю, с «Лужниками», откуда выгнал Пугачеву с Кузьминым, даю зрителям номер телефона и читаю эсэмэски с вопросами. Два часа без перерыва, – перечислил он стандартный набор для выступления в приличном месте.

– Тебе виднее, – ответила Ирина. – Меланье все равно, их пиарщики просчитали, что важно само твое появление. Ты – их связь с родиной, которую все русские продолжают любить. Может, какую-нибудь частушку безобидную пропоешь про Трампа, типа поддержишь критику демократов в его адрес. Народ посвистит, покричит – это всех подхлестнет, и комар носа не подточит.

– Меланья – жена Трампа? Ты с ней знакома? – с интересом спросил Андрей.

– Как ты был колхозником, так и остался, – вдруг резко и обидно произнесла Ирина. Даже осел на ее груди посмотрел на Андрея с враждебностью. Казалось, он готов швырнуть в него ключей пальмовой веткой. – Я дочь Михаила Сергеевича Горбачева! Он избавил Америку от страха ядерной войны. Меня все живые президенты знают, голливудские звезды за честь считают пригласить в гости, я в руководстве многих благотворительных фондов!

– Уже кто был колхозником, так это твой отец! Вернее, комбайнером в том же колхозе в Привольном, где я дорос до заместителя председателя колхоза! – Андрей подался всем огромным телом к экрану компьютера. В ушах гулко и зло пульсировала кровь, руки потянулись к компьютеру. Еще мгновение – и он грохнул бы его об пол.

Андрей вцепился взглядом в лицо Ирины, она не мигая уставилась на него. Но, как всякий раз в моменты их смертельной, на убой, ругани время вдруг остановилось. Будто в давно канувшем в прошлое детстве, они вновь ощутили себя испуганными детьми в лодке, что замерла между черной водой и черным небом. Прыжки во времени всегда спасали их от смертоубийства. В эти моменты тот третий, что спас их от укусов гадюки и который давно бесследно исчез, вновь незримо появлялся между ними. Втроем они вновь превращались в змей и сплетались хвостами.

– Ибу Ибуди, хайдау муди, – вспыхнули в их сознании древние китайские иероглифы, которые громовым голосом читал главный змей – Калугин. И так было всегда. Всю жизнь. Он словно срывал внутри них неведомый стопкран.

Пульсация в ушах прекратилась, Ирина встряхнула головой и, как будто ничего не произошло, ответила:

– Конечно, знакома. Несколько раз была у них в гостях. Меланья уговорила меня войти в их предвыборный штаб. Папу в Америке любят, так что я, считай, козырь.

– А кто я? – спросил Андрей.

– Я же сказала: колхозник! – И они громко засмеялись. После свадьбы Ирина часто называла его этим прозвищем, но он не обижался, ему даже нравилось.

– А если коронавирус не исчезнет? Колхозников-то не испугаешь, а вы все такие нежные и сладенькие. – Он полез в коробку за следующей конфеткой, покрутил ей у веб-камеры и картинно засунул в рот.

– Не видать тебе меня как своих ушей! Жрешь не переставая. – Она сказала это довольно грубо, но русские, что жили долго в Америке, на самом деле начинали говорить грубо, даже матом, не стесняясь малолетних детишек. – Если эпидемия не закончится, выборы перенесут. Приедешь позже. В договоре я это зафиксирую. – Она начала терять интерес к разговору, но перспектива так быстро остаться в пустой квартире одному Андрею не устраивала.

– Кто организатор гастролей? – решил он поговорить о деталях. – В 16-м году планировался Виктор Шульман, уважаемый человек. Даже я, колхозник, знал, что он привозил в Америку Аллочку и Володю Высоцкого. Помню, кипятком от этого писал – Высоцкий, Алла и Андрюша Разин! Хорошая компания. Но он, говорят, умер в том же году?

– Умер, – ответила Ирина. – Мне предлагают Леонарда Льва. Он в Америке почти сорок лет, давно его знаю. Все русские, что приезжали в Нью-Йорк еще при СССР, оказывались у него в ресторане «Одесса» на Брайтон-Бич. Джуна, Боря Сичкин, Боря Брунов... Всех не перечислишь.

– Так он держит ресторан? – поинтересовался Андрей. Это совсем не вязалось с организацией гастролей по всем крупным городам США.

– Не знаю, что он сегодня держит, но среди русских в Штатах человек очень авторитетный. Много артистов привозил на гастроли. Владел в начале нулевых концертным залом «Миллениум» в Нью-Йорке.

– Что-то припоминаю. Это он привозил в Союз Вилли Токарева? Помнишь – в самую папину перестройку? – Андрей всегда называл тестя папой, и это сильно раздражало «папу» – Михаила Сергеевича. Он так и не привык к загадочному мужу дочери.

– Он самый. Друзья зовут его Леня Усатый. Договор будешь подписывать с ним. Это не вызовет вопросов. Леонард в бизнесе больше тридцати лет. Даже с Шульманом конкурировал.

– Откуда ты все знаешь – в ресторане подрабатываешь? – вновь поддел он американскую жену. – На что ты живешь? Денег не просишь, замуж за богатого не выходишь...

– Иди в жопу! – вновь зло и резко проговорила она на пару с грудным ослом. – Договор получишь по почте. Изучи и сделай правки.

Она протянула руку к мыши, чтобы закончить разговор, но Андрей успел выпалить:

– Ты шо торопится, шо торопится? Мы за райдер совсем не поговорили. – Он вновь включил «колхозника», и Ирина осталась на связи – муж в этом разговоре был пока главным. А «райдер» оставался неизменным атрибутом для крутых артистов во время гастролей. По сути, список еды, алкоголя, цвета простыней и запаха мыла в ванной. Разин не стоил этого атрибута, но деваться было некуда:

– Водка-селедка, свиное сало, соленые огурцы с крошкой и черный хлеб с луком. Это само собой. – Ее глаза вновь налились гневом. – Что еще?

– Записывай, – продолжил он издеваться над женой, – селедка непременно тихоокеанская, толщина спинки восемь сантиметров. В каждом отеле по две штуки – одна с икрой, вторая с молоком. Ты записываешь? – спросил он, засовывая следующую конфету в рот. – Сало белорусское, ни в коем случае не копченое, малосоленое. Дальше. Хлеб черный «Бородинский» московский, через раз белорусский «Нарочанский». Огурцы только малосольные, суточной закваски. Водка шведская «Абсолют», без примесей, оригинальная.

– Чтоб ты подавился! – не выдержала жена, и Андрей понял, что сейчас его пошлют уже окончательно.

– И семечки тыквенные не забудь...

– Да пошел ты в жопу, слышишь – в жопу! – Она запустила мышью в экран компьютера, в бешенстве поискала ее на полу, не нашла и потянулась рукой, как видно к розетке.

Экран опустел. На десктопе остались сиротливо светиться иконки программ и текстовые файлы. Андрей встал со стула, потянулся и широко зевнул. Все их предыдущие разговоры последних лет заканчивались примерно так же. Но последствий типа развод и девичья фамилия не случалось. Игра – она и есть игра.

Андрей не стал переодеваться. В чем был, черных шортах в звездочку и черной же футболке – она скрывала огромный живот – рухнул на кровать. На часах было одиннадцать вечера, хотелось спать. Но Ирина не выходила из его головы. Он даже про деньги не думал. Она в самом деле была безумно красива, и он продолжал любить ее по-прежнему. Проблема была в том, что он и она никогда не считали себя ровней друг для друга. По понятной причине он так и не сумел победить в себе комплекс детдомовца, не нужного никому, кроме себя самого. Его взгляд вновь уперся в свадебную фотографию на стене. Ромка весело улыбался. Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна натужно смотрели на лежащего в кровати зятя. Фоном фотографии был банкетный зал Кремлевского Дворца съездов. Только там давали приемы по случаю государственных праздников и съездов КПСС.

Он включил телевизор, вызвал меню и вошел в YouTube. Поднес пульт с голосовым управлением к губам и произнес:

– Фильм «Республика ШКИД».

Он сотни раз смотрел его, когда оставался один. Знал каждую реплику наизусть. Обожал Сергея Юрского в роли Викниксора и Сашу Кавалерова в роли Мамочки. На экране плазменного «Панасоника» закрутилось колесо из догоняющих друг друга точек. Когда догонялка светлячков прекратилась, на черном экране появилась надпись: «В 1922 году в Советском Союзе было 4 миллиона беспризорных детей». Мгновение – из черноты, словно на негативе фото-пленки, проявились лица беспризорников. Они щелкали ногтями по верхним зубам, отбивали такт. Тот, что слева внизу, с круглым грязным лицом, как две капли воды походил на него самого, когда после гибели родителей он оказался в детском доме. Слезы наполнили его глаза. К горлу подступил комок. Мышцы окаменели.

– Давайте, пацаны, – прохрипел Андрей, и пацан, который был похож на него в детстве, запел песню, от которой его всегда рвало на куски.

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла,
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила...

Гитарные аккорды и стук ногтями по зубам не заглушали писклявого голоса певца. На экране шли титры, а пацан продолжал вышибать слезу.

И пошел я по свету скитаться,
По карманам я начал шмонать,
По чужим по буржуйским карманам
Стал рубли и копейки сшибать.

Андрей закрыл глаза. Слезы текли сквозь закрытые веки рекой, нос заложило. Он вновь ощутил себя беззащитным мальчиком, ему захотелось куда-то бежать. Первый раз это чувство возникло еще в детстве, когда он заболел желтухой, и его положили в инфекционный изолятор городской больницы. Одели в голубое байковое девчачье платье – другой одежды не оказалось. Он несколько раз забирался на оконный подоконник, пытался открыть форточку, чтобы бежать. Но сил открыть оконный шпингалет не было. Было отчаяние.

Он вытер простыней слезы и сопли. Выключил телевизор и настольную лампу. Андрей давно привык к ночному одиночеству, оно не пугало его, как раньше. Напротив, тишина и мрак наполняли голову воспоминаниями, которых было на миллион человек. Да и возраст был такой, что самые далекие воспоминания оказывались и самыми яркими.

– Рома, – произнес он в темноте и неожиданно громко рассмеялся. Словно в ускоренном режиме он представил себе больного пацана ясельного возраста, затем делового партнера, с кем прятал от КГБ кубометры денег, вывозя их по ночам из московских съемных квартир огромными «Икарусами» в деревенскую глушь. И кто он сегодня! Разин вновь рассмеялся, но уже от того, что разревелся от вида беспризорников, которых на самом деле придумали для кино.

– Чего же ты по скайпу не ответил? – вновь задумался он, но не стал включать компьютер, чтобы повторить попытку. Пробившийся сквозь штору в окне луч от уличного светильника оказался аккурат на свадебной фотографии.

Глава 4

Рому привезли в детский сиротский дом для детей с врожденной сердечной недостаточностью во время тихого часа. Сюда со всего Советского Союза свозили таких мальчиков и девочек. Не просто больных, а круглых сирот. В Железноводске стояла слякотная зима, и несчастные доходяги, большинству из которых не было и семи лет, чувствовали себя при такой погоде очень плохо. Поэтому тихий час мог продлиться до самого вечера, когда их ненадолго поднимали с постели и выводили на ужин – выпить горячего прозрачного чая. С куском белого хлеба с маслом, посыпанным сахарным песком.

В общей палате стояло четыре десятка детских кроваток в четыре ряда. За стеклом о железные отливы окон стучал дождь. Почти все спали.

Андрюшу Разина, которому недавно исполнилось семь лет, направили сюда из другого детдома, поставив неутешительный диагноз. Понятно, он этого не понимал – был мал и глуп. Но ему повезло хотя бы в том, что воспитатели и медсестры относились к нему да и ко всем остальным детям очень ласково, жалели и любили, как своих. Сами дети оставались при этом совершенно разными.

Все время их выводили куда-то гулять, поиграть в песочнице. Ему казалось, что у него есть мама и папа. Он просыпался с детьми, засыпал с детьми, приходила какая-то тетя, заводила его в ванную, мыла. В ванну их ставили разом по пять человек, мыли, затем одевали и кормили. Часто заставляли брать друг за друга за ручку и куда-то водили. Казалось, жизнь и должна быть такой, другой нет и быть не должно.

В тот день Андрюша не спал. В сентябре, когда ему исполнилось семь лет, врач сказал при очередном осмотре, что дела его идут на поправку. Через годик, перед тем как он пойдет в школу, его переведут в другой детдом, для обычных детей. Он и в самом деле чувствовал себя намного лучше других и терпеливо ждал.

Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Детские мысли простые. Когда рядом никого не было, он думал о маме. Но времени после ее гибели вместе с папой в автомобильной аварии прошло уже так много, что плакать он перестал. Просто вспоминал, как лежал у нее на руках, и мама гладила его по голове, когда он упал и до крови расшиб себе бровь над левым глазом. Вспоминал ее теплую гладкую ладонь, которую она прикладывала к его щеке и тихо убаюкивала. Обычно с такими воспоминаниями он засыпал. Но только не сегодня. Дверь в спальню закрипела несмазанными петлями и открылась. Вошел дворник дядя Саша. Локтем одной руки он зажимал раскладушку, второй рукой держал большой белый узел, связанный углами простыни. За ним тихонько зашла воспитательница Мария Николаевна. Она кого-то несла, прижимая к груди. Голова мальчика – а это был точно мальчик – лежала на плече воспитательницы, ноги раскачивались в такт ее шагам.

Дядя Саша подошел к кроватке Андрея. Только между ней и стеной оставалось свободное место. Он приложил палец к губам, увидев открытые глаза Андрюши, и положил узел ему в ноги. Раскладушка встала впритык с кроватью, но маленький проход все же оставался. Дядя Саша развязал узел, достал тонкий матрасик, развернул его на раскладушке, постелил простыню и бросил в голову подушку. Сверху легла простынка и темно-синее одеяло с белыми полосками. Дядя Саша откинул одеяло и отошел к двери.

Мальчик, как только Мария Николаевна положила его на раскладушку, отвернулся к стене и накрылся одеялом с головой. Даже не было слышно, как он дышит. Лишь иногда шмыгал носом. Андрей посмотрел на него сверху и прикинул, что тот намного младше его – слишком маленький. Через минуту интерес к новичку утих, он хотел было отвернуться, но тот вдруг резко поджал ноги и тихо заскулил, даже завыл. Он выл тихо, с перерывами, чтобы втянуть

воздух и шмыгнуть носом. Андрей откинул свое одеяло, опустил ноги на пол и притронулся к плечу новичка.

– Ты не плачь, разбудишь всех! – сказал он первое, что пришло ему на ум, и легонько потряс того за плечо. Мальчик под одеялом никак не среагировал, продолжал подвывать. – Не плачь, – продолжал Андрюша и погладил его рукой по одеялу. Вой прекратился, но новичок продолжал часто шмыгать носом и резко дернул локтем, чтобы стряхнуть руку Андрея.

– Ладно-ладно, – отреагировал Андрей, лег на свою кровать и накрылся одеялом. Прошло какое-то время, со стороны новенького послышались слова:

– Я писать хочу.

Андрей не стал звать воспитательницу, поднялся с кровати, подошел к двери спальни и взял горшок с крышкой, что стоял там всегда на такой случай. Он принес горшок к раскладушке, снял крышку и обратился к новенькому:

– Иди писай.

Пружины раскладушки тихонько зашуршали, мальчик сбросил одеяло, встал между кроватью Андрея и раскладушкой. Лицо его было заплаканным, на худых плечах висела серая маечка, явно не по размеру. Из-под нее торчали тонкие ноги – мелкие и тощие. Нос задирался заостренным сучком меж заплаканных глаз. Он вышел из прохода между кроватями, подошел к горшку, опустил синие сатиновые трусики и начал писать.

– Меня зовут Рома, – сказал он Андрюше, взглянул на него снизу вверх, затем оглядел спальню. Несколько детей, из тех, кто не мог заснуть, тоже разглядывали его со своих кроватей.

– Я Саша, я Лена, я Коля, – раздалось в ответ несколько голосов, но Рома уже отвернулся, пошел к раскладушке и лег. Он не стал прятать голову под одеяло. Андрей, как только отнес горшок обратно к двери, вернулся и сел на кровать, вновь обратился к новенькому.

– Я Андрей. Твои папа и мама тоже умерли? – спросил он, хотя давно знал, что в этом здании собирают только таких, как он сам.

– Нет, – неожиданно зло ответил ему Рома, отвернулся и вновь залез под одеяло с головой. Андрей не стал его тормозить, повернулся на правый бок и скоро заснул.

Детский дом имени Надежды Крупской появился в этих местах в 1924 году, сразу после смерти Ленина. Вдова вождя мирового пролетариата была организатором приюта для малолетних доходяг в Кисловодске. В то время это небольшое здание вмещало две сотни беспризорников. Но детдом и при Крупской был специфическим. В место, которое всегда называли Кавказские Минеральные Воды, собирали больных сирот со всей Южной России и кавказских губерний. Чаще всего это были малолетние жертвы Гражданской войны со слабым сердцем. Ничего не изменилось с контингентом за прошедшие сорок с лишним лет. Правда, к «Крупской» направляли уже не жертв Гражданской. Сначала детей репрессированных, затем – послевоенных сирот, а за ними – потерявших родителей во время развитого социализма. Именно поэтому здесь оказался Андрюша Разин, а через год – и четырехлетний Рома Абрамович.

Он родился на севере Сибири, по матери считался русским. Отца не помнил совсем, а может, и не знал, что это такое. Когда он спрашивал маму, где его папа, она отвечала, что строит дома где-то далеко, а потом рассказала, что он умер, убится на стройке. А скоро и сама мама заблудилась ночью на окраине поселка, в свирепую пургу оказалась в лесу, до дома не дошла. Там, неподалеку от дома, ее и нашли. Замерзла до смерти. Так в четыре года он остался сиротой. Естественно, его забрали в детский дом, положили в больницу на проверку и обнаружили у него порок сердца. И вот же – светлая память советской власти! – детей-сирот с пороком сердца в Советском Союзе отправляли на Северный Кавказ, в санаторный дошкольный детский дом имени Надежды Крупской. Тогда ему впервые крупно повезло – он остался жив.

Тихий час закончился на этот раз до того, как за окнами стемнело. Появление новичка заметили все, и, после того как Андрюша погромел горшком по полу, начали друг с другом перешептываться. А скоро и совсем громко заговорили, начали хихикать и смеяться. Андрюша

проснулся, когда дверь в спальный зал со скрипом открылась, к ним вошла воспитательница Мария Николаевна.

– Деточки, кто проснулся, можете вставать! Васенька, Ниночка, – все-все! Вставайте, помойтесь и выходите. Пришла врач, будет вас слушать. Одевайтесь. – Она пошла к первой кровати помочь маленькой Нине надеть чулки и платье.

Дети сразу раскричались, кто-то вскочил на кровать и принялся на ней прыгать. Воспитательница не обращала на это внимания. Хотя обычно хмурила брови и грозила «фулюгану», как иногда она называла детишек, уложить спать раньше других. Это было самым страшным наказанием.

На этот раз Мария Николаевна прошла мимо всех к кровати Андрюши. Он уже не спал. Лежал на спине, натянув одеяло до самых глаз. Она села к нему на кровать, положила руку на его лобик.

– Андрюшенька, ты здесь самый крепкий, тебя скоро выпишут, пойдешь в школу. – Она говорила, как всегда тихо и ласково, махнула головой в сторону: – Это Рома Абрамович. Ему четыре годика. Привезли сегодня утром. Андрюша, присматривай за ним, чтоб его не били в сердце, чтобы не били в грудь.

– Это куда, – спросил Андрей из-под одеяла, плохо представляя, о чем его просят, – что такое сердце?

– Это вот сюда. – Она ткнула пальцем себе под грудь.

– Хорошо, – ответил он воспитательнице и просунул ноги мимо нее в промежуток между кроватью и раскладушкой, сдернул одеяло с Ромы.

– Не бойся, Рома, давай станем братиками, я тебя в обиду не дам, – выпалил он скороговоркой и осекся. На раскладушке лежало тщедушное тельце с поджатыми ногами. Рома держал сжатые кулачки своих ручек на груди, таращил на него глаза и тяжело, как от удущья, дышал.

– Господи! – воскликнула Мария Николаевна, схватила Рому в охапку, прижала к груди и почти бегом бросилась к двери: – Где врач? – кричала она на ходу. – Вызывайте «скорую помощь»!

В спальне сразу стало тихо. Но дети быстро пришли в себя, начали молча одеваться, выходить из спальни. Кто-то застилал кровать, но это было не обязательно. Воспитатели не заставляли детей это делать – относились, как к больным.

Рому привели в столовую только вечером. Мария Николаевна подвела его за ручку к столику, где сидел Андрюша, один стул был свободен.

– Ромочка, здесь ты будешь кушать. Садись рядом с Андрюшей. И в спальне рядом, и здесь, в столовой, – сказала она громко, чтобы слышали все.

Сестра-повариха тут же принесла на стол тарелку с горячим пюре и котлеткой. стакан с компотом уже стоял на столике. Так началось их знакомство. Рома был нелюдим и молчалив. Но инстинктивно всегда держался рядом с Андреем.

Наконец зима, когда Рома появился в детдоме имени Крупской, кончилась. Южная весна распахнулась морем зелени, ярким, даже жарким солнцем. Наступило 1 мая 1969 года. Каждый год в этот день всех шкетов сажали в кузов грузовика и везли на демонстрацию. С одной стороны грузовика, к его борту, был прибит большой фанерный лист с нарисованным силуэтом крейсера «Аврора». Поэтому детям поверх курточек надевали матросские воротнички синего цвета с тремя белыми полосками по краям. И белые бескозырки с черными ленточками. На ленточках блестели золотые якоря. Бескозырки были старыми и потертыми. Явно находились в работе долгие годы, служили сменяющим друг друга детдомовцам не один десяток лет. В подвале детского дома бескозырок было великое множество, размеров хватало на всех.

На грузовик влезли два воспитателя. Андрюша и Рома стояли как раз за фанерным листом у борта. За ними, расставив широко ноги, встал воспитатель – физкультурник Михаил Петрович. Машина наконец тронулась, тихим ходом поехала к площади у здания горкома пар-

тии, в котором находился и исполком. Машина подъехала к улице, через сотню метров выходящую на площадь. По ней шла колонна радостных людей с цветами и красными флагами. Когда машина с крейсером «Аврора» подъехала к колонне, двое милиционеров из тех, что стояли вдоль всей дороги, засвистели в свистки и жестами разорвали колонну. Одна ее часть остановилась, другая продолжила движение. Машина аккуратно въехала в колонну и через пять минут оказалась на площади.

Шкетам в машине было заранее сказано, что когда они въедут на площадь, то сразу должны приложить правую руку к бескозырке – как делают военные. И руку чтобы не опускали, пока не проедут через площадь. Самое главное – надо смотреть строго на трибуну, где будут стоять дяди, и улыбаться.

Ровно так все и началось. Когда машина почти въехала на площадь, Андрей увидел, что вся она заполнена людьми. Роман стоял на цыпочках, тоже хорошо видел, что происходит за бортом грузовика. Над людьми на площади краснело море знамен, люди держали на длинных палках портреты двух бородатых с длинными девичьими волосами мужчин. Еще одного дядю – лысого, с маленькой бородкой, но тоже с усами – он видел в кабинете директора детдома – это был друг всех детей Владимир Ильич Ленин. Его жена построила их детский дом, как объяснял детям директор.

Андрюша и Рома стояли у борта, прижатые другими детьми и Михаилом Петровичем. Одной рукой оба держались за фанеру, другой отдавали честь дядям на балконе дома на площади. Те, в свою очередь, приветливо махали руками и цветочными букетиками людям, что шли мимо них. Когда «крейсер «Аврора» поровнялся с трибуной, Андрюша заметил, что важные дяди смотрят поверх них – на людей, что заполнили площадь позади колонны. Любопытство пересилило страх, он отвернулся от трибуны, чтобы посмотреть на праздничную толпу людей. Столько он не видел в своей жизни никогда. За ним повернулся и Рома. В следующее мгновение оба поочередно получили удар ботинком по ногам.

– Выпорю обоих! – прошипел в уши луково-чесночным перегаром Михаил Петрович. – Руки к голове и смотреть на балкон! – рявкнул он, перекричав шум демонстрации и музыку из громкоговорителей на столбах. В ушах у обоих зазвенело, они тут же повернули головы обратно. Но звон в ушах длился недолго, любопытство взяло верх. Андрей и Рома вновь и вновь поворачивались и смотрели на красочную толпу взрослых, где могли быть и их мама с папой.

Машина двигалась по площади совсем медленно. Дядя Миша продолжал пихать их ногой, заставлял смотреть только на трибуну, но Андрюше и Роме было интересно другое. Дядя Миша продолжал рычать:

– Я кому сказал, смотреть только на трибуну, смотрите только туда!

Но ничто не могло уже остановить их любопытство. Люди в толпе на площади и в колонне стояли и двигались с красивыми цветными шариками, смеялись и трясли знаменами и плакатами. Дяди на трибуне все так же, как вначале, вяло махали руками, не отличаясь друг от друга черными пиджаками с красными повязками на лацканах типа девчачьих бантиков. И тут Андрей, который был на три года старше Ромы и кое-что соображал, вдруг понял, почему их заставляют смотреть на дядек на трибуне: все боятся этих больших начальников. Даже огромный дядя Миша сильно боится больших начальников, а большую и громкую толпу – нет.

Когда колонна с грузовиком и детьми в бескозырках выехала с площади на улицу, Михаил Петрович присел перед ними на корточки, прижал к себе и проговорил:

– Андрюшка, не говорите Марии Николаевне, что я вас пихал. – Он тяжело дышал на них тем же запахом лука и чеснока, но был уже совсем не страшным, обычным дядей Мишей – добрым и надежным: – Сами понимаете, с нас спрашивают.

Он встал, потрепал их обоих за плечи и отвернулся. Ребята молчали. Они уже забыли, как воспитатель пинал их ногами. Оба были полностью поглощены увиденным. Когда грузовик

привез их обратно в детдом, все шкеты продолжали галдеть, долго не могли успокоиться. Тот день был праздничным. На обед дали суп с кусочками мяса и макароны с большой котлетой. Вместо обычного теплого чая – какао с пирожным. Многие беспризорники видели его первый раз в жизни.

Так прошла весна, потом и лето дошло до своей середины. Жизнь в детдоме шла своим чередом. Андрюша всегда был рядом с Ромой, они говорили о чем-то своем, вспоминали родителей. Врали и сочиняли кто как мог, поскольку ни тот, ни другой их почти не помнили. Но все хорошее когда-то кончается. Однажды их дружба закончилась в одно мгновение. Вернее, друг друга они больше не увидели.

Как-то утром, еще до объявления подъема, к раскладушке Ромы подошла Мария Николаевна, потормошила за плечо и прошептала на ухо:

– Ромочка, вставай!

Она приподняла его голову с подушки, подложила руку под спину и легко посадила сонного мальчика на раскладушку. Он долго тер спросонья глаза, но молча встал, забрал со стульчика у изголовья свои чулочки, носки и байковую рубашку. Воспитательница подхватила его на руки и понесла к выходу. Андрей этого не видел. Только слышал сквозь сон, что кто-то, наверное, воспитательница снова подходила к его кровати, и что-то прошуршало на Роминой раскладушке.

Когда все дети проснулись, в спальню вошла Мария Николаевна, велела всем просыпаться и идти чистить зубы. Потом сказала громко, даже с какой-то радостью:

– У Ромы нашлась бабушка, и она забрала его в Москву!

Общей радости в ответ она не услышала. Дети вообще не отреагировали на ее слова. Вернее, в спальне наступила абсолютная тишина. Таких слов каждую секунду ждали все четыре десятка лишившихся родителей детдомовцев. Каждый такой случай вызывал в них глубочайшую тоску и зависть – почему это случилось не с ним? Почему!!!

Воспитательница лучше других знала, что лучше было бы соврать, мол, Рому перевели в другой детдом. С другой стороны, каждый такой случай вызывал в детях маленький лучик надежды на то, что и с ними произойдет такое же чудо. Мама с папой приедут за ними и заберут отсюда навсегда.

После слов воспитательницы Андрюша свернулся калачиком и спрятался с головой под одеялом. На глаза навернулись слезы. Он вновь ощутил бесконечное одиночество, как в больничной палате, куда его упрятали одного с желтухой. Последние месяцы он назначил Рому своим младшим братом и сейчас будто бы завис в пустоте. Мария Николаевна, женщина добрая и чуткая, понимала, что Андрюше Разину сейчас хуже всех. Она подошла к его кровати, села на край, как в тот день, когда Рому-доходягу принесли вместе с раскладушкой и уложили рядом с ним.

Она привычно потормошила его за ногу:

– Не горюй, казак. Еще увидите. Посмотри лучше, что тебе Рома и его бабушка оставили. – Она настойчиво, но не резко стащила с него одеяло.

Он оторвал голову от подушки, посмотрел на воспитательницу и проследил за ее взглядом в сторону Роминой раскладушки. На ней россыпью лежали конфеты, вывалившиеся из серого кулька, три пачки печенья и банка сгущенного молока. Еще в одном кульке, совсем большом, лежали пряники.

– Бабушка Ромы оставила это тебе, очень просила тебя поблагодарить. Я рассказала ей, как ты Рому защищал. Как младшего братика.

Воспитательница продолжала сидеть на краешке его кровати.

– Я буду это один кушать? – не найдя ничего лучшего, спросил он.

– Нет, сейчас все встанут, пойдете в столовую и разделим на всех. Но есть один подарок только тебе.

Мария Николаевна взяла из-за спины большой бумажный сверток, протянула его Андрею. Он разорвал бумагу и увидел красивый игрушечный троллейбус. Он спрыгнул на пол, поставил на него троллейбус и подтолкнул. Тот проехал до стены, уперся и встал. Остальные дети стояли на кроватках и смотрели на игрушку. Про Рому все как будто забыли и старались не вспоминать.

Через несколько дней, когда ему надоело возиться с игрушкой, он разобрал ее по частям. Когда батарейка перестала кислить язык, он выдрал моторчик и разбил его камнем. Внутри оказались магнитики, которыми он развлекался долгие годы. Они были постоянно с ним.

В том же году Андрюша выздоровел окончательно. Его перевели в новый Светлоградский детский дом, там же на Ставрополье. Там он пошел в первый класс и уже не вспоминал своего первого друга, мелкого и хмурого Рому Абрамовича.

Через много лет он сам выскочил из неизвестности, как черт из коробочки.

Глава 5

Стюардесса объявила по громкой связи, что командир корабля готовится приступить к снижению. Русский Ил-62 все еще летел на высоте десять тысяч. За окном иллюминатора где-то далеко внизу, до самого горизонта простиралось бесконечное пространство причудливых серых облаков.

Дональд Трамп, молодой американский бизнесмен, выбрал рейс «Аэрофлота» Нью-Йорк – Москва, чтобы заранее ощутить атмосферу Советского Союза. Он всегда выбирал местную авиакомпанию, когда летел в новую страну первый раз. Самолет вылетел из Штатов в полдень и двигался навстречу вращению Земли. Уже над Гренландией небо за иллюминатором стало чернеть, в салоне приглушили свет. Но большинство пассажиров и не думали спать. Только его жена Ивана в самом начале полета накрылась с головой пледом и не реагировала ни на что – даже когда стюардесса носила еду и выпивку. Они оказались единственными, кто вел себя в самолете спокойно.

Этим же рейсом возвращались домой артисты и оркестр знаменитого на весь мир советского ансамбля «Березка». Несколько дней назад Дональд с Ивановой побывали на их концерте в Карнеги-холле, что на углу Седьмой авеню и 57-й улицы в Манхэттене. Он часто посещал шоу с большим количеством обнаженных тел, но на концерте «Березки» был сверх обычного потрясен целомудренными русскими девушками в платочках и кокошниках. Его сильно озадачило, что скрывается под длинными – в пол – платьями у этих одинаковых красоток. Вернее, что за механизм у них под юбками, который позволял девицам плыть по сцене, словно на эскалаторе. Его восхищение от выступления русской «Березки» лишь усилилось, когда при выходе с концерта он увидел висящее в холле на стене напоминание, что знаменитый концертный зал был открыт в прошлом веке выступлением Нью-Йоркского симфонического оркестра, которым дирижировал русский гений Петр Чайковский.

Увы, прекрасное впечатление от концерта улетучилось здесь, в русском самолете. Причиной стали те самые девушки, что выглядели на сцене Карнеги-холла сущими ангелами. При посадке в самолет он с грустью увидел, что все они напялили на себя одинаковые джинсы. Ему показалось даже, что девицы заметно раздались в бедрах, как будто надели на себя не одни, а две пары этих жестких штанов для пастухов. Все сто человек зашли в салон с огромными узлами, коробками японских двухкатушечных магнитофонов «Sony» и «Sharp», плоскими, но тоже объемными коробками видеомагнитофонов. Они долго и шумно утрамбовывали свой багаж по полкам для ручной клади, что-то засовывали под кресла. При этом громко, на весь самолет, кричали.

Стюардессы стояли в носу и хвосте салона, никак не реагируя на происходящее. И правильно. Трамп сам часто общался с большими группами людей и знал, что кажущийся поначалу хаос все равно закончится. Так и случилось. Коробки были спрятаны, узлы рассосались, словно самолет был резиновый. А Дональд отметил про себя, что русские везут то, чего у них дома скорее всего нет. В первую очередь джинсы и японскую электронику, от чего сходили с ума не только русские, но и весь мир. Заняв свои места и пристегнув ремни, все они принялись жевать резинку и выглядели абсолютно счастливыми людьми.

Когда самолет набрал высоту и включилось табло, разрешающее курить, начался сущий кошмар. Почти все русские тут же засунули в рот сигареты и принялись дымить. Трамп уловил знакомый сладковатый запах вирджинского табака, хотя сам не курил никогда. Но дым коромыслом оказался лишь частью декораций десятичасового представления.

Началось массовое перемещение людей из одного конца салона самолета в другой. Между ними кое-как успевали проскочить бортпроводницы. Их вызывали со всех концов самолета и просили принести стакан воды. Послышался звон стекла. Народ гремел стаканами,

не замечая стюардесс и остальных пассажиров. Таких, как Трамп с женой, в самолете было несколько десятков. Возбужденные артисты и музыканты не обращали на них внимания. В проходе образовались несколько «пчелиных роев», окутанных облаками сигаретного дыма. Изящные «пчелки» и большие «мохнатые шмели» облепили ручки кресел, нависали с соседних рядов к рядам «материнским», на которых сидели боссы ансамбля «Березка». Они разливали спиртное, передавали гудящим «шмелям» и «пчелкам» нарезанную колбасу и хлеб. Кто-то достал гитару, ударил по струнам. Американец прикрыл глаза и склонил голову в сторону спящей Иваны.

* * *

Предложение съездить в Москву впервые озвучил Дональду в Нью-Йорке русский посол в ООН Юрий Дубинин. На званом обеде, который устроил сын основательницы косметической империи «Эсте Лаудер» – Леонард, он подошел к сорокалетнему американцу и представился:

– Юрий Дубинин, посол Советского Союза при ООН.

Перед Трампом стоял среднего роста человек в темно-сером костюме и протягивал руку. Интеллигентное, с правильными чертами гладкое лицо. Волосы зачесаны назад в стилистике Ричарда Никсона. Дональд энергично пожал его руку, было видно, что он польщен вниманием советского дипломата.

– Рад вас видеть, как дела? – ответил он дежурной американской фразой. Ее произносят все американцы, когда еще не о чем говорить. Обычно после этого гости вечеринки вежливо улыбались друг другу и расходились в разные стороны. Во всяком случае, так происходило в большинстве случаев на светских мероприятиях. Но Дубинин не думал отходить. Лишь слегка отвел взгляд, как будто кого-то искал. Так и оказалось – призывно махнул рукой.

К ним подошла миловидная женщина.

– Знакомьтесь, моя дочь Наталья, тоже дипломат, работает в ООН, но скоро уедет домой. Работать отцу и дочери в одной организации у нас не принято.

Не сумел Трамп с близкого расстояния подробно разглядеть эту русскую, а она уже протягивала ему руку:

– Рада с вами познакомиться, господин Трамп. О вас много говорят среди дипломатов. Вы восходящая звезда американского бизнеса. Это правда – я о слухах, – что вы собираетесь заняться политикой?

Дочь Дубинина брала его напором и лестью. Но было приятно.

– Что до слухов, пока не думал идти в политику, меня вполне устраивает бизнес. В Америке все хотят стать президентом. – Он засмеялся и уже с интересом посмотрел сверху вниз на дочь посла.

– Вы станете лучшим президентом США, – не унималась Наталья, но ее прервал отец:

– Зачем господину Трампу становиться президентом? Это тяжелая и неблагодарная работа. Гораздо лучше строить огромные здания, которые простоят сотни лет. Я про Трамп-тауэр. На мой взгляд, это лучшее и самое изящное здание в Нью-Йорке, построенное за последние пятьдесят лет!

– Вы не первые, кто об этом говорит. – Грубая лесть американцу явно нравилась.

– Не думали построить нечто подобное в Москве или Ленинграде? – неожиданно спросила дочь посла.

– Еще не думал, но это было бы грандиозно.

– В Москве есть пустырь рядом с Кремлем – Болотная площадь, – продолжала наступать Наталья. – Торопитесь, в Советском Союзе началась перестройка, открываются огромные возможности. Как говорят у нас – кто успел, тот и съел!

– Все, Наташа! Хватит искушать господина Трампа. – Посол Дубинин вновь протянул ему руку. – Даст бог, увидимся. Открою вам на прощание маленький секрет, только обещайте никому не говорить. – Дубинин прищурился и улыбнулся почти гагаринской улыбкой, известной всему миру.

– Обещаю, – выдавил из себя американец и насторожился.

– Совсем скоро я получу назначение Чрезвычайным и Полномочным послом Советского Союза в Соединенных Штатах. Буду рад нашему знакомству в новом качестве.

Он легко и естественно кивнул головой, приподнял локоть правой руки. Дочь Наталья подхватила его руку, автоматически, чисто по-женски, поправила прическу, и они отошли от юного Трампа, затерявшись среди гостей. Тот щелкнул пальцем, подзвав к себе официанта, и взял с подноса высокий стакан кока-колы, которую обожал употреблять в любых количествах и в любое время. Он уже мысленно представлял Красную площадь и огромное, до небес здание. Башня была не черная, как в Нью-Йорке. Она переливалась рубиновыми и белыми цветами, разделенными прожилками стальных конструкций. Трамп представил свои апартаменты на последнем этаже в сердце русской столицы и едва не побежал искать Дубинина с его дочерью. Захотелось немедленно получить рекомендательные письма московскому мэру, а может, и самому Горбачеву. Но отца с дочерью и след простыл.

Они в это время уже сели в автомобиль советской миссии при ООН.

– Ты, Натусик, молодец! – Юрий Владимирович Дубинин повернулся к дочери. – Настоящая русская красавица!

– И умница! – добавила дочь, и они разом рассмеялись. – Папа, чего тебе этот Трамп? Здесь таких много.

– Сам не знаю. Неделю назад доложил в Москву, что буду на званом обеде у Лео Лаудера. Приложил список гостей. Через два дня пришло письмо от Виктора Михайловича Чебрикова. Настоятельно просил познакомиться накоротке с этим Трампом.

– Ого, заинтересовался сам председатель КГБ! – Она задумчиво покачала головой.

– Сама понимаешь, такие просьбы не обсуждаются. А ты молодец! – Он похлопал ее ладонью по руке.

– Хорош отец – использовал родную дочь втемную, – с улыбкой ответила она.

– Нас тут всех используют втемную, – пробурчал посол и отвернулся к окну.

Трамп позвонил послу Дубинину через полгода. Еще через месяц он летел с женой в Москву. Последние часы полета оказались особенно загадочными. Размягшие от алкоголя танцовщицы менялись губными помадами, которые лежали в их сумках десятками. Они начинали громко и заливисто смеяться, когда кто-то из них доставал помаду в форме мужского достоинства. Такие продавали по шесть долларов за дюжину на улицах Нью-Йорка.

Артисты, похоже, допили все и принялись утрясать финансовые вопросы. Дональд понял это, когда один из молодых людей пришел с другого конца самолета и сел на ручку его кресла. Его мощный зад терся об американского бизнесмена без всякого стеснения. Он агрессивно жестикулировал, зажав в руке пяти- и десятидолларовые бумажки.

Трамп не понимал по-русски, но, судя по громкому спору, речь шла о занятых в командировке деньгах. Его невольный сосед явно был должен человеку, сидящему от Трампа через проход. Было страшно неудобно и тесно, но американец не хотел вляпаться в пьяный скандал. Даже бортпроводницы не смогли бы ему помочь, и он терпеливо ждал развязки.

Человек же, присевший на ручку его кресла, вовсе не думал, что доставляет кому-то беспокойство. Он все тяжелее наваливался задом на левое плечо американца, пока сила тяжести не уронила его на колени Дональда. Ручку кресла между собой и Ивановой он убрал давно, русский танцовщик со всей дури упал спиной на свернувшуюся клубочком жену. Она вскрикнула и забилась под его спиной. Трамп подцепил парня за плечи и поставил в проход. Положил руку на ручку кресла и откинул голову.

Других происшествий не было. Совсем скоро самолет приземлился в новом московском аэропорту Шереметьево.

Черная «Чайка» из гаража Моссовета подхватила чету Трампов из зала приема иностранных делегаций Шереметьево. Бронированный автомобиль из гаража особого назначения – ГОНа, – на котором возили только членов Политбюро, послал за ними лично председатель исполкома Моссовета Валерий Сайкин. Формально именно он прислал приглашение американцу. Впрочем, в то время в Москву зазывали многих богатых иностранцев, и Трампы никак не выделялись бы из общего потока.

Машина остановилась у подъезда гостиницы «Метрополь» с той стороны, которая выходит к Китайгородской стене. Их встретил молодой мужчина, поздоровался и поставил чемоданы в гостиничную тележку. Дональда и Ивану провели в холл, они зарегистрировались, получили ключи с деревянной «бомбочкой», на которой был указан номер их апартаментов, и на лифте поднялись на шестой этаж. Чемоданы уже стояли в номере.

Ивана пошла искать ванную комнату.

– Я приму душ и спать, – сказала она, сняла туфли, бросила дамскую сумочку на диван и босиком пошла в ванную.

– Удачи! – ответил Дональд и пошел осматривать номер. В огромной гостиной черным пятном выделялось пианино с прикрепленными на лицевой деке двумя золотыми подсвечниками. Остальной интерьер не отличался разнообразием, но поражал доисторической роскошью мебели из карельской березы. Угловая горка, диваны и кресла – все радовало глаз дорогой обивкой. Наборный паркет в тон карельской березы с вкраплениями черных элементов тускло блестел новым лаком.

С левой стороны от входа в номер на полу стояла большая, расписанная цветочными орнаментами ваза. Ее ограждал плетеный канатик, висящий на четырех столбиках.

Ваза представляла собой темно-зеленый фарфоровый шестигранник с цветочным набором картинок в изумрудном обрамлении на каждой из граней. Из нижней части шестигранника, от каждой его грани, уходили вниз белые изогнутые плоскости. Расширяясь, они соединялись внизу, образуя основание вазы. Его зеркальное отражение уходило вверх центральной части вазы. Лишь цветочный орнамент на плоскостях был другой.

Над вазой висела довольно большая картина в скромной черной раме и почему-то под стеклом. В первую очередь в глаза бросились распущенные веером огромные черные листья. Среди них атели растрепанные бутоны цветов. Когда Дональд приблизился к картине, чтобы рассмотреть ее внимательней, то увидел, что от черных листьев уходят вниз тонкие стебли, между которыми притаились утки.

От ансамбля вазы и картины пахло чем-то китайским. Так и оказалось. На стене рядом с картиной висела медная табличка. На кириллице и по-английски было написано:

«Ваза. Китай. Период Канси (1662–1722).

Картина «Лотос и утки-мандаринки». Автор Чжан Да-цян. 1947 год.

Дар председателя Коммунистической партии Китайской Народной Республики товарища Мао Цзэдуна. 1950 год».

Дональд решил отложить изучение гостиничного номера. Голова после долгого и беспокойного перелета стала совсем тяжелая. Страшно хотелось спать.

Спальня с зашторенными тяжелыми портьерами окнами выглядела не интимно, но располагала ко сну. Рядом с большой кроватью стоял зеркальный трельяж, и Трамп безошибочно узнал стиль начала века модерн.

Дональд, считавший себя крупным специалистом как раз в гостиничном бизнесе, все же отметил про себя всю архаику, которую он так себе и представлял. В московских апартаментах не было стекла, белых стен и мягкого коврового покрытия, что в Америке считалось обяза-

тельным для гостиничных номеров. Даже обои в люксовом номере были продолжением сочно-медового цвета мебели, отчего апартаменты казались отгороженной от мира богатой капсулой или шкатулкой для хранения семейных реликвий и драгоценностей.

Он подошел к кровати, сбросил ботинки, снял пиджак и упал на мягкую кровать. Высокая и удобная перина поглотила его. Звон в ушах после ревущих двигателей Ил-62 постепенно слабел, Дональд провалился в глубокий сон. Скоро в спальню пришла Ивана, откинула одеяло на своей половине кровати и легла рядом с ним. В Москве было десять часов утра – полночь по нью-йоркскому времени.

* * *

Он проснулся от телефонного звонка. Поначалу казалось, что звонят во сне. Но резкие трели не прекратились, когда он повернулся на бок, потом на другой. Ивана лежала рядом, накрыв голову подушкой, как она делала всегда, чтобы ей ничто не мешало спать. Американец встал и прошел в гостиную, где на небольшом ломберном столике трезвонил телефон. Дональд уселся на кресло и снял трубку.

– Господин Трамп, здравствуйте, меня зовут Сергей, – услышал он голос в трубке. Человек говорил на хорошем английском. – Я референт председателя Исполкома Моссовета товарища Сайкина.

– Привет! Как дела? – автоматически ответил американец и вытянул ноги.

– Надеюсь, вы отдохнули с дороги?

– Да, все прекрасно!

– Завтра у вас рабочий день с посещением московских строек, осмотром гостиничного комплекса и экскурсией в Алмазный фонд Кремля. Все очень интересно, – продолжал Сергей. – Сегодня в восемь часов вечера вас приглашает на дружеский прием председатель Московского городского совета товарищ Сайкин. Ресторан «Арагви». Сейчас шесть часов вечера, в 19:45 у входа в гостиницу вас будет ждать автомобиль, на котором вас привезли из аэропорта.

– О'кей, – привычно ответил Трамп и посмотрел на часы. Супермодные электронные «Casio G-Shock» показывали восемь утра. Он прибавил семь часов разницы – получилось шесть вечера. Менять время на московское, нажимая маленькие кнопочки, ему не захотелось, он отправился в ванную. И через полтора часа они с Иваной вышли из «Метрополя», где их ждал черный автомобиль. Трамп проснулся окончательно и только сейчас обратил внимание на русский «кар».

– Отличная машина, – обратился он к водителю, который услужливо открывал левую заднюю дверь для Ивана. – «Паккард»?

Оказалось, что водитель его прекрасно понял и ответил на хорошем английском:

– Извините, но это советский автомобиль ГАЗ-13 «Чайка».

– У вас делают хорошие машины. У меня есть почти такая же – «Паккард Партисиан», раритет 58-го года. Сколько стоит «Чайка»? Я хочу купить. В Нью-Йорке такого «кара» нет ни у кого! – Он хлопнул по плечу шофера, который открывал правую заднюю дверь для самого Дональда.

– Спросите у кого-то другого, – ответил, улыбнувшись, водитель и сел за руль. Машина тронулась, быстро сделала два поворота и через три минуты остановилась около огромного постамента. На лошади сидел человек в шлеме и кольчуге. Он указывал рукой куда-то в сторону и вниз. Лошадь показалась американцу тяжеловатой, но он промолчал. Мало ли на свете лошадей? Бывают и такие.

Дональд и Ивана вышли из машины. К ним подошел молодой человек в черном костюме и представился:

– Меня зовут Сергей. Это я звонил вам два часа назад. – Он отошел в сторону и рукой указал на вход в ресторан.

Они вошли в зал. Все столики были заняты. В воздухе плавал дым, слышался шум разговоров сидящих мужчин и женщин. Было много людей в военной форме, со звездами на погонах и медалями.

– Нам туда, – указал Сергей на массивную дверь в стене, за которой оказался кабинет с большим круглым столом посередине. – Присаживаетесь, господа! Валерий Тимофеевич сейчас придет. Его кабинет через дорогу, в здании Моссовета. Он будет с минуты на минуту.

Трамп и Ивана подошли к столу. Такого нагромождения блюд они не видели никогда. Только в фильмах, где показывали пирующих королей со своими свитами. Не хватало быка на вертеле. Первыми в глаза бросились десятки бутылок. Дональд различил водочные, винные, с шампанским и минеральной водой. Бутылки торчали островками небоскребов посреди десятка тарелок с нарезанным мясом, розовой и белой рыбой, овощами, зеленью и чем-то прозрачным, чего он не видел никогда. В глубоких серебряных чашках лежала черная икра. Середину стола украшало огромное блюдо с осетром, обложенным вафельными розетками с красной икрой, дольками лимона и печеной картошкой.

У стен стояли четыре официанта. Двое отодвинули стулья, и американцы сели за стол. На родине было не принято заставлять столы выпивкой и всей едой сразу. Приносили по мере надобности, вино наливали официанты, как только бокалы пустели. Дональд по привычке надел на себя маску отрешенности, сложил руки на животе и замер. Ивана знала о его привычке и достала из сумочки путеводитель по Москве. Но ждать пришлось недолго.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел высокий человек, брюнет с зачесанными назад волосами. Трамп встал. Они оказались одного роста с Сайкиным и крепко пожали друг другу руки. За Валерием Тимофеевичем в кабинет вошли еще несколько человек, и Сергей поочередно представил их американцу. Все они были начальниками, связанными со строительством в Москве.

– Рад, что вы решили посетить Советский Союз и Москву, – начал говорить Сайкин, а официанты принялись наливать в рюмки и бокалы алкоголь. Делали они это так ловко, что ни Дональд, ни Ивана не заметили, как не только рюмки были наполнены водкой, но и тарелки загрузились русскими закусками – рыбой, селедкой, солеными грибами и отварным языком.

Затем московский начальник долго говорил о родном заводе – оказалось, что до недавнего времени он руководил гигантским автомобильным заводом, ЗИЛом, и не посмел отказать Горбачеву, когда он начал менять кадры после объявления им перестройки.

Трамп знал такую породу людей. Они всегда говорят только о своем бизнесе. Такие, как Трамп, интересны им количеством денег, которые они готовы вкладывать в их часто безумные проекты. Он вспомнил предупреждения партнеров по бизнесу, побывавших ранее в перестроенной Москве. Вспомнил, как они восхищались бесконечным застольем, длинными и пустыми разговорами, потому что русские не разбирались вообще ни в чем! Ни в инвестициях, ни в банковских кредитах, ни в правах собственности. Для них все было общее, народное. Они смотрели на иностранцев как на сумасшедших, готовых осыпать их деньгами. За это их поили «в хлам», кормили на убой. Приглашали с семьями в гости и обещали познакомить с папой или мамой, часто большими партийными начальниками, коротающими дни на пенсии.

В тот вечер все случилось ровно по этой схеме. Голодные помощники Сайкина принялись зачищать тарелки и дружно чокались бокалами с вином и рюмками с водкой за дружбу с Америкой, перестройку, Горбачева и Рейгана. Вспомнили фильм «Великолепная семерка» и оркестр Глена Миллера. В длинной череде этого мусорного разговора Трамп отметил лишь тост самого Сайкина, который он произнес в адрес «лучшего в мире американского автопрома».

В разгар веселья, когда и Трамп, и его супруга были уже заметно пьяны – отказаться от тостов было никак нельзя, – он вежливо попросил переводчика спросить господина Сайкина,

когда они смогут поехать на Болотную площадь, где советский посол в США Дубинин обещал ему место для строительства московского Трамп-тауэра.

– На Болотной обещал? – переспросил Сайкин и вытаращил на Дональда глаза. – Там же режимная зона, Кремль рядом, подземные коммуникации, закрытая ветка метро...

Сайкин осекся. Видно, наговорил лишнего. Он задумчиво посмотрел сначала на американца, затем на стол, все так же забитый едой. В его голове шла борьба – как поступить? Остаться и оттянуться по-крупному, к тому же все расходы проведены по линии международных контактов, их уже не вернуть. Или быстро уйти, пока не наговорил лишнего. Сайкин знал особенности этого ресторана. Все столики здесь имели уши! Метрдотель этого заведения – отставной полковник КГБ, а все столики, за которые сажают иностранцев, технические сотрудники из «органов» готовят за два часа до их прихода. Слушают и пишут всех.

– Завтра с вами свяжутся, господин Трамп. Вас отвезут в Черемушки, это лучший московский район новостроек. Выберите место – и, как говорится, Бог вам в помощь!

Он протянул Дональду руку, не дождался и похлопал его по плечу. Затем резко повернулся к выходу и ушел. За ним, словно по команде, встали его подчиненные. Двое успели опрокинуть по рюмке, но и они ушли.

– Господин Трамп, – вы можете остаться, сколько захотите. Машина будет ждать у ресторана хоть до утра, – это был Сергей. – Я буду рядом, ни о чем не беспокойтесь. – И он скрылся за дверью.

Дональд посмотрел на Ивану, затем на стол. Спать абсолютно не хотелось, хотя в Москве уже был поздний вечер. Он протянул руку к бутылке водки, бросил в сторону официанта, который хотел ему помочь:

– Отвали! – И налил рюмку.

«В конце концов, должен я ощутить всю прелесть идиотизма, о котором меня предупреждали, но я не верил?» Он налил жене красного сладкого вина, сухого не было, поднял свою рюмку. Они чокнулись с Ивановой, рассмеялись. Трамп оглянулся на официанта и сделал знак – наливай!

Первый приезд в Москву Дональду запомнился только этим застольем. И номером в гостинице «Метрополь», в которой больше четверти века назад останавливался китайский диктатор Мао Цзэдун. Второй и третий дни прошли в пустых разговорах и прекрасных экскурсиях по Кремлю.

На третий они улетели в Нью-Йорк. Билеты взяли на американскую «Дельту», хотя она и летела с промежуточной посадкой в Германии. В Советском Союзе он не был больше никогда.

Глава 6

После смерти шефа – Юрия Андропова – в 1984 году подполковник Олег Калугин был переведен из Москвы в Ленинград. Служба в областном управлении КГБ оказалась нудной и унылой. Он так и не понял, почему Горбачев отодвинул его от себя после десяти лет, во время которых он был практически членом семьи Михаила Сергеевича. Особенно близкими они стали с дочерью секретаря Ставропольского обкома – Ириной. После того несчастного случая, когда змеи покусали ее и детдомовца Андрюшу, она стала замкнута и труслива. Боялась оставаться дома одна и всегда просила родителей, чтобы дядя Олег был рядом. Казалось, он успокаивал ее одним долгим и немигающим взглядом.

Но детская привязанность не могла продолжаться вечно. После перевода Горбачева в Москву, где он стал одним из секретарей ЦК, Олег и вовсе перестал видиться с его семьей. Черная полоса жизни стала еще черней, когда его перевели в Ленинград. Он стал ждать ареста. Ему не верилось, что контакты с ЦРУ США и особенно «вербовка» в Нью-Йорке в 1958 году остались тайной между ним и Андроповым и не были отражены в его личном деле. К тому же он продолжал посылать шифровки в ЦРУ на имя «Отца». Еще теплилась надежда, что совместная многоходовая операция КГБ и ЦРУ продолжается. При этом Комитет был явно активнее американцев, поскольку карьеру Михаила Горбачева – будущего «наводчика мостов» с Западом – курировал лично Юрий Андропов. И он резко шел в гору. Про Трампа не было слышно ничего, хотя согласованная с директором ЦРУ операция длилась целых двенадцать лет. За это время умер Андропов, в Центральном разведывательном управлении США сменилось семь директоров.

После московских высот Олега бросили курить православную церковь в Ленинграде. Кадры были хорошие и проверенные. Но читать отчеты о настроениях верующих было настолько скучно, что закралась мысль: не махнуть ли через финскую границу? Но все еще оставалась надежда на то, что операция не закрыта, и его отправили «на отстой», чтобы перестал мозолить глаза Михаилу Сергеевичу. В конце концов, план по его внедрению в мировую правящую элиту был почти выполнен.

Надежда затеплилась с новой силой, когда он прочел в «Комсомольской правде» небольшую статью о том, что «известный американский застройщик Трамп посетил Москву и обсудил с председателем Московского городского совета тов. Сайкиным проект строительства в Москве небоскреба, какие Трамп уже построил по всему миру».

В тот день после работы Калугин выпил от радости бутылку виски, подаренную ему митрополитом Ленинградским и Новгородским Антонием. Алкоголь иной раз жертвовали прихожане, и Антоний избавлялся от искушения, раздаривая бутылки нужным и влиятельным людям. Разумеется, он знал, что предпочитает его куратор.

Пристрастие к этому диковинному в СССР крепкому алкоголю появилось у Олега еще во время его работы «корреспондентом» Московского радио в Нью-Йорке. Вот и сейчас по телу разлилось приятное тепло. Напряжение отступило, но порадоваться было не с кем. Последнее время он жил в квартире один. Когда его перевели в Ленинград, жена осталась в Москве, не хотела бросать работу. Он разговаривал с ней мысленно. Вот и сейчас закрыл глаза, откинул голову на спинку кресла и представил жену, с которой прожил уже почти тридцать лет. Но «разговор» продолжился не с ней. Резко зазвонил телефон. Он поднял трубку:

– Олег Данилович, товарищ подполковник?

– Так точно, подполковник Калугин слушает!

– Завтра в 15 часов вам нужно быть в приемной председателя. Пропуск на вас заказан.

Знаете, где приемная?

– Так точно, знаю.

– Тогда до встречи.

Калугин положил трубку телефона, сел в кресло и сосредоточился. Для ареста его не стали бы вызывать в Москву. Учитывая серьезность операции, инсценировали бы несчастный случай – и дело с концом. Значит, причина может быть в приезде американца. Значит, ржавые шестеренки решили смазать и вызывают его в Москву. О том, что дело касалось Трампа, говорил тот факт, что вызывал лично председатель КГБ Чебриков.

Он поднял трубку телефона и позвонил жене. Предупредил, что вызван к начальству и уже едет на вокзал.

«Красная стрела» прибыла в столицу в восемь утра.

* * *

Когда поезд остановился на перроне Ленинградского вокзала, подполковник Калугин выскочил первым из вагона и бегом направился ко входу в метро. Времена, когда его встречали у вагона или у трапа самолета, прошли. Он доехал до станции метро «Щербаковская», перешел по подземному переходу и направился к дому с огромной стеклянной витриной внизу, над которой горела синяя неоновая надпись «Океан». Калугин получил в этом доме квартиру, поскольку отсюда была прямая ветка метро на Лубянку. Можно было доехать и на троллейбусе – всего несколько остановок.

Встреча с женой лишь усилила его эйфорию – она была по-прежнему красиво одета и вообще выглядела «дорого-богато», как и положено преподавателю Физтеха. Она ждала его одна – дети давно жили своей жизнью. После того как Олег принял душ и они почти час просидели на кухне за разговором, Людмила погладила его брюки, достала из шкафа новую белую рубаху и черный галстук. Ботинки он начистил сам, оделся, взял портфель, в котором практически ничего не было, и вышел на улицу. До назначенного времени оставалось три часа.

Калугин решил добраться до Лубянки пешком – соскучился по Москве, широкому и солнечному проспекту Мира. Он вновь спустился в переход и оказался на круглом пятачке между домами и проспектом Мира, у станции «Щербаковская». Машин в Москве было заметно больше, чем в Ленинграде, но они не раздражали, делали широкий проспект веселым и современным. Калугин перешел Крестовский мост, пересек Рижскую площадь, миновал кафе «Сфера». Через полчаса подошел к Колхозной площади, за которой начиналась Сретенка и Большая Лубянка. Купил мороженое и прогулялся по Кузнецкому мосту да ЦУМа. Отсюда совершил последний бросок до площади Дзержинского. Здесь, в доме номер 2, он провел много лет и сейчас надеялся, что все вернется на круги своя.

Когда он открыл огромную дубовую дверь главного входа, ему показалось, что он вышел отсюда пару часов назад – здесь ничего не изменилось. Тот же дежурный офицер в фуражке с темно-синим околышем, те же посетители, что входили и выходили в фойе по короткой лестнице, за которой начинались коридоры, лестницы и лифты.

Все повторилось, как и двенадцать лет назад, когда он прибыл на доклад к Юрию Андропову из Ставрополя. При входе на второй этаж, который раньше называли «андроповским», сидел дежурный офицер. Он так же спросил Калугина про оружие, посмотрел удостоверение. Так же указал на дверь приемной, за которой сидел новый начальник самой таинственной спецслужбы мира – КГБ СССР.

Часы в приемной Чебрикова показали ровно 15.00, когда у дежурного офицера звякнул телефон и он произнес:

– Так точно, в приемной. Слушаюсь!

Он положил трубку, встал из-за стола и подошел к двери главного кабинета. Взявшись за ручку, повернулся в сторону Олега и коротко сказал:

– Олег Данилович, товарищ подполковник, проходите. – Офицер отворил дверь, Калугин прошел мимо него и отворил вторую дверь «предбанника».

В кабинете председателя тоже ничего не изменилось. Хотя нет! Над столом висела большая фотография Ленина в черной раме, которой раньше здесь не было. Виктор Михайлович Чебриков сидел за столом в белой сорочке без галстука и внимательно смотрел на вошедшего Калугина. Его заинтересованность была заметна даже за огромными, в черной оправе очками. Лицо, как и на портретах, напоминало гипсовую маску. Олег видел его и раньше, но сейчас ощутил его «рентгеновский» взгляд на себе. Он вытянулся по струнке, руки по швам, и четко проговорил:

– Товарищ председатель Комитета государственной безопасности, подполковник Калугин прибыл по вашему указанию.

Чебриков продолжал внимательно смотреть на него, затем взял со стола большой распечатанный конверт с тремя сургучными печатями. Олег замер и продолжал смотреть в глаза Чебрикову. Но тот обратился не к нему:

– Давай, Владимир Александрович, заходи!

Через мгновение боковая дверь, ведущая в так называемый приват, где руководитель мог прилечь, попить чая наедине, принять душ и даже ванну, открылась, и в кабинет вошел Владимир Крючков, еще одна правая рука Юрия Андропова, а стало быть – и Виктора Чебрикова. Он тоже, как видно, не куда не торопился, так же молча начал разглядывать Калугина. Тот знал о Крючковой совсем немного. Уже давно он был начальником Первого главного управления КГБ СССР – внешней разведки. Ввод советских войск в Афганистан был, в частности, его звездным часом. При этом считался человеком порядочным, хотя и абсолютно закрытым. Стоя перед этими двумя монстрами, Калугин даже не понял, кто из них главный.

– Здравствуйте, Олег Данилович! Пока не могу звать вас, как Юрий Владимирович, просто Олегом, но это дело наживное. – Он вышел из-за стола, подошел к Калугину и протянул для пожатия руку. В другой руке держал большой конверт голубого цвета. Второе рукопожатие было уже с Крючковым. – Давайте пройдем туда. – Чебриков пошел в сторону двери в «приват». Крючков указал жестом, чтобы Олег следовал за председателем.

В комнате отдыха не было ничего особенного. Стол, диван-кровать обычного магазинного образца, холодильник и книжный шкаф. Чебриков подошел к книжному шкафу, как видно, на что-то нажал, и шкаф отъехал в сторону. За ним оказалась еще одна дверь, но и она отворилась, вероятно, председатель нажал еще на одну неведомую кнопку. Все трое прошли через дверной проход, в небольшой комнате зажегся свет.

– Присаживайтесь, Олег Данилович, – указал Чебриков на круглый стол с тремя стульями.

Дверь закрылась, и все трое сели за стол. Председатель положил на него конверт, постучал ногтем по лакированной поверхности стола и наконец произнес:

– Не удивляйтесь, комната защищена листами свинца толщиной двадцать сантиметров. На всякий случай, чтобы никто ничего не услышал. А то и у нас, знаете ли, всякое может быть.

Калугин молчал. Пока его ни о чем не спрашивали. Чебриков положил руку на голубой конверт:

– Это письмо Юрия Владимировича Андропова. Просил вскрыть после его смерти. Я вскрыл пакет на следующий день после кончины товарища Андропова – 10 февраля 1984 года. О чем он пишет, вы прекрасно знаете, хотя и не читали. Чисто эмоционально хотел вызвать вас сразу, чтобы вы ввели меня и Владимира Александровича в курс дела. Но временно воздержался. Разина мы давно в литерном режиме отслеживаем – каждый шаг, как говорится. Михаил Сергеевич Горбачев – новый генеральный секретарь нашей партии, руководит в строгом соответствии с рекомендациями Юрия Владимировича – начал перестройку. Объявил политику гласности. Все, как здесь написано. – И он мягко похлопал ладонью по голубому конверту. –

Что касается ваших коллег «из-за бугра», – он улыбнулся, – здесь пока пробуксовка. Удалось ненадолго выманить этого самого Трампа в Москву. И не знаю уже, что из этого получится. Таких строителей в Америке – пруд пруди. Как вы считаете, Владимир Александрович? Какое ваше мнение? – Чебриков обратился к Крючкову.

– Конечно, самый простой вариант – это завершить операцию. Но если Дональд Трамп вырвется наверх, время будет упущено. Не использовать такую уникальную связку – «Разин-Трамп» – нельзя.

– Понятно, Владимир Александрович. Но какие рычаги влияния есть на Трампа в Соединенных Штатах? Понятно, о вербовке речи и быть не может. Но как его можно завести в Белый дом? На коллег из ЦРУ я не очень надеюсь. Что у них на уме – одному Богу известно. Да и меняются они по два раза в году.

– Трампа мы внимательно «пасем» уже три года – сразу после смерти Юрия Владимировича. Тепло редкое, но самомнение огромное. Упрямый и хитрый до тупости. Такие народу могут нравиться – косит под своего парня, любит баб. Через свои каналы в американских СМИ мы провоцируем его отвечать в интервью на вопрос – хочет ли он стать президентом США? Отвечает, как дочери Дубинина. Кстати, после возвращения из Москвы он дал интервью журналу «Плейбой» – в основном о русских женщинах. Но бросил и такую фразу – мол, он понял в Москве, что может сделать политик-новатор вроде Михаила Горбачева. И что он решил оставить со временем бизнес и окунуться в политику. Трамп, кстати, член Республиканской партии. Лично знаком с бывшим президентом Никсоном и нынешним президентом США Рональдом Рейганом. Одним словом – перспектива кое-какая есть. Надо ждать.

– А как считаете вы, Олег Данилович? – спросил Чебриков Калугина.

– Товарищ председатель, – начал было Калугин, но Чебриков его прервал:

– Зовите меня Виктор Михайлович. Вы давно не простой подполковник, а важный крот ЦРУ в рядах Комитета государственной безопасности. Кстати, не забудьте указать в очередной шифровке, что была встреча со мной и товарищем Крючковым. Порадуйте «Отца», что операция по наращиванию влияния на генерального секретаря через дальнего родственника Дональда Трампа – Андрея Александровича Разина-Трумпа – вступает в решающую фазу. И что дело за ними – толкать Трампа в президенты.

– Так точно, Виктор Михайлович, – ответил успокоившийся Калугин. Было ясно, что его не забыли и не собираются зачищать. А Разин никогда не выходил у него из головы. Он вырос и должен активно включиться в «игру Андропова». Вернее, стать инструментом в этой игре с американцами. – Вы абсолютно правы, Андрея Разина пора двигать. Он уже наш козырь при Генеральном секретаре ЦК. Пригодится для другой операции с американцами, если сорвется эта. Но я бы не стал закладываться на провал с Трампом. Наоборот, дадим понять руководству ЦРУ и тем, кто за ним стоит, что Разин становится не просто дальним родственником Трампа. А кем еще – это главный вопрос, если продолжать игру и ждать, пока Трамп созреет для политики.

– Поясните, Олег Данилович, что означают слова о том, что вашего детдомовского друга «пора двигать»? – обратился к Олегу уже Владимир Крючков. Стало очевидно, что тот абсолютно в курсе дела и является сменщиком Чебрикова, когда тот уйдет в секретариат ЦК. Это была обычная карьерная практика любого председателя КГБ. – Он, как говорят, «академиев не кончал». Мы устроили его руководить комсомолом в Тюмени. Обожает собирать активистов и ездит по поселкам к вахтовикам песенки петь. Веселый такой.

– Может, двинуть его по профсоюзной линии? По партийной? – Виктор Чебриков размышлял вслух о том, что можно сделать в такой ситуации, как приблизить его к Горбачеву? Он снял свои огромные старомодные очки, начал тереть усталые глаза – как видно, много читал.

– Прошу прощения, – уже сам встрял в разговор Калугин, – но сами знаете, как идет перестройка и что популярность партии, а возможно, и профсоюзов заметно упала. Не мне

вам об этом говорить. А что, если устроить вокруг него, а лучше с его участием грандиозный скандал, чтобы его имя стало известно всем? Пусть станет музыкантом, чтобы о нем знали все и мечтали познакомиться. Дальше я беру на себя его встречу с дочерью Михаила Сергеевича – в смысле мы все трое знакомы с детства...

– Мы знаем, – буркнул Крючков.

– ...а дальше уж совсем бомба мирового масштаба – надо их поженить!

– Кого поженить? – в один голос переспросили Чебриков и Крючков.

– Андрея и Ирину, – Олег пытался как можно скорее выговориться. Понимал, что после таких слов он может выглядеть в их глазах полным идиотом. – Я знаю Ирину Горбачеву. Опекал ее больше десяти лет. У нее что-то с психикой после укуса змеи, всего боится. Только меня подпускала близко к себе, мы часто говорили с ней наедине, когда я охранял семью сначала в Ставрополе, а потом здесь, в домашней резиденции Михаила Сергеевича на Ленгорах.

– Все равно трудно тебя, Олег Данилович, понять! Что с того, что она имеет психологическую травму? Кто подпустит к ней хитрована, у которого под ногтями тюменская грязь? – вновь перебил его Чебриков.

– Наши разговоры с Ириной Михайловной всегда заканчивались воспоминаниями о тех днях в Привольном. Ну, когда мы оказались в больнице. Ирина часто интересовалась, где Андрей, даже просила отыскать его. Но я, сами понимаете, сделать этого не мог. Если получу возможность вновь видеть ее, то организовать случайную встречу будет вполне возможно. А лучше – если она узнает об Андрее не от меня, а из газет и сама потребует от Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны встретиться с ним. Дальше все будет зависеть от сироты. Сумеет ли он увлечь Ирину Михайловну так, что станет ей интересен. Не думаю, что он дурак и не воспользуется случаем. В детстве у них уже получилось. Сегодня нужно одно – чтобы он представлял собой не просто что-то необычное, а был суперзвездой, кумиром молодежи, с которым мечтают познакомиться миллионы девушек.

– Вы смотрели фильм Гайдая «Кавказская пленница»? – неожиданно прервал его Владимир Крючков.

– Смотрел и не один раз.

– Помните реплику Фрунзика Мкртчяна: «Жених согласен, родственники тоже, а вот невеста...»?

– Позвольте вам возразить, товарищ Крючков? – спросил Олег.

– Валяйте, – уже с улыбкой ответил шеф внешней разведки Советского Союза.

– Товарищ Мкртчян был водителем персонального автомобиля мелкого руководителя далекого горного района. Комитет госбезопасности способен поднять человека на такую высоту, о которой и мечтать не приходится. Я знаю это по работе с нашими товарищами в рядах Ленинградской епархии.

– С попами проще – дело привычное. Конкретно, что вы предлагаете в нашем случае? – уже заинтересованно спросил Чебриков.

– Виктор Михайлович, дайте сутки. Завтра к 9.00 представлю на утверждение полный и исчерпывающий план. – Калугин пошел напролом.

– Это рано. Приходите, как и сегодня, к пятнадцати.

– Слушаюсь, разрешите идти? – спросил Олег строго по уставу.

– Не торопитесь, вам эту дверь не открыть, – ответил Чебриков, поднялся из-за стола и подошел к двери. Опять что-то нажал, и они вернулись в «приват» кабинета Чебрикова, а потом и в сам кабинет. Со стены на них смотрел то ли с ухмылкой, то ли с укоризной вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин.

Через несколько минут подполковник Калугин покинул здание на Лубянке и ровно через двадцать три часа докладывал свой план в той же комнате со свинцовыми стенами и дверями и тому же составу – двум верховным руководителям самой грозной спецслужбы мира.

– Первым пунктом плана будет организация скандала на отборочном матче чемпионата Европы по футболу между сборными СССР и Франции. Матч должен состояться 9 сентября. На нем в перерыве между таймами планируется выступление Аллы Пугачевой и Владимира Кузьмина – самой модной парочки в Советском Союзе. Билеты на матч были раскуплены в первую очередь, чтобы поглазеть на живую Пугачеву. План предусматривает замену Пугачевой и Кузьмина Андреем Разиным. Пугачеву лучше не предупреждать – перестроечные газеты сами сделают свое дело. Их читают сегодня все – от корки до корки. И «Комсомолку» и «Московский комсомолец», журнал «Огонек» и «АиФ».

Пункт второй. Свести Андрея и Ирину. Возобновить их знакомство, имея конечной целью завязывание романтических отношений. Лучшее время и место – Крым, где семья Горбачевых проводит лето в государственной резиденции. Андрей должен оказаться неподалеку, но так, что их встреча будет похожа на чистую случайность.

Пункт третий. Найти несколько одаренных в музыкальном плане детдомовцев и создать коллектив. Андрей как бывший сирота должен выступить инициатором его создания и стать руководителем. Аудитория 10–16-летние, в основном девочки. Песни должны быть назойливыми и смазливими. Про любовь. Чтобы звучали из каждого киоска шавермы, ларька с жвачкой, фантой и пивом. Их должны крутить на вокзалах и по радио. Там же продавать кассеты, как продают записи Вилли Токарева и Александра Розенбаума. Но главное – еженедельное участие группы Разина в телепередаче «Утренняя почта». Предлагается наделить товарища Разина полномочиями выпускать собственные концертные билеты, минуя профильные учреждения культуры. Название ансамбля должно ассоциироваться у поколения 10–16-летних с любовной лирикой. Они должны видеть в мальчиках-сиротах кумиров и сходить по ним с ума. Главное – взрывной рост известности сироты. Как говорят в эстраде – надо запустить Андрюшу в «ротацию».

Побочным эффектом проекта станет сбор неучтенной денежной налички. Деньги могут пойти на обеспечение наших операций в условиях резкого сокращения государственного финансирования.

Предлагаю на выбор несколько названий группы.

«Группа Андрея Разина».

«Маковый лай».

«Ласковый мак».

Это всё, – в заключение проговорил Олег. – Готов выслушать замечания и сделать корректировку плана.

Какое-то время Виктор Чебриков и Владимир Крючков молчали. Впервые в жизни им пришлось слушать подобный бред. Тут страна разваливается, а время приходится тратить вон на что. Первым прервал молчание Виктор Чебриков.

– Я так понял, ты предлагаешь организовать «общак» Комитета государственной безопасности?

– Я бы назвал это «кассой для проведения спецоперации», – ответил Олег. – Мы будем знать о ней всё, но финансовой отчетности и бухгалтерии вестись не будет. Сегодня в стране нет наличных для выдачи зарплаты на заводах. Завтра не будет денег для нас.

– Ладно, валяем дурака уже скоро тридцать лет. Пара лет «сверху» обедни не испортят. – Чебриков посмотрел в сторону Владимира Крючкова: – Владимир Александрович, давай выбирай название, и закончим с этим. Дел хватает.

– Я бы скрестил.

– Чего с чем, – уточнил Чебриков.

– Назвал бы «Ласковый май».

– Ты как? – спросил Чебриков Олега.

– Простовато. Это вам не «АукцѼон» или «Полоса отчуждения». Но для девочек-школьниц, наверное, в самый раз. Ансамбль соберу за пару недель, подтяну композиторов, Иосиф Давыдович поможет, Алла. А дальше – участие в гастролях, на разогреве. Через три месяца в Москву приезжает Вилли Токарев. Будет для «Ласкового мая» паровозом.

Генералы КГБ не стали вдаваться в детали. Главное – решение о продолжении плана Юрия Андропова было ими принято. А уж какой экзотикой от этого запахло – значения не имело. Прощаясь и подписывая приказ о переводе Калугина из Ленинграда в Москву, Виктор Чебриков вспомнил классическую и успокоительную для него самую фразу:

– Олег, ты понимаешь, что вся ответственность ложится на тебя?

– Так точно, Виктор Михайлович!

– И смотайся в Берлин. Попробуй найти немецких родственников американца. Остановишься в посольстве. Нашего посла в Восточном Берлине Вячеслава Ивановича Кочемасова я предупрежу. В твоём распоряжении будет наш сотрудник по линии внешней разведки. Его координаты получишь у товарища Крючкова.

Не обошелся без напутствия и руководитель Первого главного управления КГБ СССР – внешней разведки Владимир Крючков:

– Олег Данилович, я созвонился со своим бывшим коллегой по руководству внешней разведки ГДР – товарищем Маркусом Вольфом. Он уже три года как на пенсии, но обещал навести справки по немецким родственникам американца. Встретитесь с ним, поговорите.

Олег давно не бывал за границей. От перспективы съездить хотя бы в Восточный Берлин, попить немецкого пива с сосисками его настроение совсем улучшилось.

– Так точно, товарищ председатель! Разрешите идти?

– Идите. – Чебриков отвернулся от Олега, как будто потерял к нему всякий интерес.

В приемной Калугина ждал секретарь с телефонной трубкой в руке:

– Товарищ Разин на связи. – И он передал трубку Олегу.

– Андрюша, это Олег Данилович Калугин. Помнишь такого?..

...Выйдя из здания на Лубянке, он сразу бросился на вокзал: троллейбусом до Садового кольца, дальше на «бэшке» до высотки на Лермонтовской и бегом в военную кассу Ленинградского вокзала. Он мчался в Ленинград, чтобы забрать вещи и заполнить обходной лист.

Мысленно он уже попрощался с товарищами из Ленинградско-Новгородской епархии. В его лицо подул ветер перемен. Тем временем сирота в далекой Тюмени уже паковал чемоданы. Билет на рейсовый самолет «Аэрофлота» в Москву ему вручил незнакомый человек в военной форме и фуражке с темно-синим околышем.

Глава 7

Черная «Волга» остановилась на юго-западной стороне Большой спортивной арены «Лужников». Здесь был незаметный вход, через который внутрь стадиона проскользнули Алла и Володя Кузьмин. Обычно через этот подъезд входили партийные и государственные деятели. Их провожали до спецтрибуны, так называемой режимной точки, которую оборудовали еще перед московской Олимпиадой в 1980 году лично для Брежнева. По пути на «точку», а она находилась довольно высоко, «важняки» могли отдохнуть в относительно просторной комнате, обитой панелями под дерево. Когда гости были особенно крутыми, в комнате появлялся стол со стульями, низкие кожаные кресла и холодильник со всякой всячиной.

Пугачева и Кузьмин первыми вошли в «режимную точку», ставшую временной гримеркой. За ними с огромными букетами желтых роз – их особенно сильно любила Алла – вошел ее муж Женя Болдин и директор Олег Непомнящий. Алла уже была одета в концертное платье – знаменитый балахон черного цвета. Она подтянула его низ, упала в кресло и схватилась руками за голову. Вернее, попыталась закрыть уши – повсюду стоял гул почти ста тысяч людей, что пришли смотреть не столько футбол, сколько ее. Какие билеты народ покупал «в нагрузку» – на футбол по три рубля или на Пугачеву за рубль? Аллу уговорили дать пятнадцатиминутный концерт в перерыве между таймами, но она поставила условие, чтобы дуэтом с ней пел ее новый сердечный друг Володя Кузьмин.

Муж Аллы спокойно относился к таким закидонам жены. Возможно, от излишней интеллигентности, возможно, по молчаливому обоюдному согласию: главная советская певица всех времен и народов имела право на личную жизнь, которую она конструировала по своим неведомым схемам и понятиям. Да и можно ли так петь, чтобы нравиться миллионам людей, без постоянного состояния влюбленности и громких скандалов? Но сейчас Алла смотрела, как мило болтают друг с другом ее муж и Кузя – а она называла его именно так, – и что-то начинало ее бесить. Какое-то предчувствие. Она не хотела и даже не думала, что ей придется «разогревать» футбольных болельщиков, но ее просили из Комитета. Причем лично руководитель Пятого управления КГБ Филипп Денисович Бобков, который плотно работал с советской интеллигенцией. Гастроли даже в соцстраны, иностранный паспорт, командировочные и сопровождающий персонал – все это зависело от него, матерого генерала с добрыми глазами василькового цвета.

Гул становился все более нетерпимым. Он то накачивал, то ослабевал. И вдруг шум взорвался ревом реактивных двигателей.

– Господи! Что они так орут! – не выдержала Алла.

Олег Непомнящий поднялся с кресла и вышел за дверь. Когда он вернулся, все повернули головы в его сторону.

– Французы гол забили. Нам хана. – Он пригладил свои усики, что отращивал тонким хвостиком над верхней губой.

– Это вам всем хана. Вот уйду сейчас к чертовой матери, и отдувайтесь с Кузей без меня. – Пугачева сжала губы, всем своим видом показывая верх недовольства. Ее свита привыкла к таким заявлениям, к тому же все они знали, почему оказались здесь и кто их просил.

– Аллусик, не нервничай, – ласково сказал ее муж Женя Болдин, встал со стула, подошел к Алле и присел на соседнее кресло. Он попытался взять ее за руку, но она резко тряхнула плечом, и Болдин замолк, принявшись разглядывать свои наманикюрные ногти.

Гул тем временем обогатился яростным свистом десятков тысяч людей. Атмосфера в комнате накалялась.

– Алла давай порепетируем, – попытался разрядить обстановку Кузьмин.

– Иди ты к черту! – грубо ответила Алла, достала из сумочки пачку «Мальборо» и сунула в рот сигарету. Болдин мгновенно поднес зажигалку – как будто этого только и ждал. Кузьмин обиженно отошел в сторону, где лежал кофр с его знаменитой гитарой. Он достал ее, перекинул ремень через плечо и начал медиатором «вышивать» знаменитые запылы по битовым ступеням. Звук электрогитары, не подключенной к усилителю и акустике, никто не слышал. Лишь длинные кудри Кузьмина тряслись и выдавали его полное погружение в музыку. Алла повернула голову к напарнику и выпустила в его сторону струйку дыма. Женя Болдин все так же сидел с ней рядом и рассматривал ногти. Директор Непомнящий ходил вдоль стены. До перерыва между таймами и началом концерта оставалось минут двадцать. Гул стадиона как будто слегка утих. В дверь гримерки громко постучали.

– Ну кого там еще черти несут? – недовольно спросила Алла и повернула голову в сторону двери. Промелькнула мысль – с чего бы это второй раз подряд она помянула черта? – Олег, открой! – попросила она директора. Но тот не успел дотянуться до дверной ручки, как дверь открылась и в гримерку вошел мужчина в строгом темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей.

– Прошу прощения за беспокойство, – вежливо сказал незнакомец. – Я майор Комитета госбезопасности Орлов.

Он сделал паузу, посмотрел на Аллу Борисовну, и она недовольно поинтересовалась:

– Документы пришли проверять, как во Дворце съездов?

Алла не скрывала удивления. Лишь в Кремлевском дворце съездов артистов заставляли идти к сцене через несколько постов охраны, с обязательным предъявлением паспорта. Перед выходом на сцену паспорта забирали и возвращали после окончания выступления, когда приходилось идти к выходу тем же путем, через те же посты охраны. Но в КДС на концертах присутствовали члены Политбюро, и даже генсек – дело понятное. А здесь-то чего?

Офицер и не думал отвечать на вопрос Пугачевой. Он недавно был прикомандирован к новому и загадочному Отделу спецопераций Первого главного управления КГБ СССР – внешней разведки. Его руководителем стал подполковник Калугин, бывший начальник службы охраны Горбачева. Поэтому Орлов и не думал вступать с Аллой Борисовной в дискуссию. Но про себя отметил, что все, кто был в помещении, смотрели на него не то что с удивлением, а с любопытством, а может, и с жалостью.

«Ждут, когда гражданка начнет размазывать меня по стенкам. Ну-ну!» – подумал Орлов и подошел к Пугачевой поближе. Он не торопился и не нервничал. Встал почти вплотную к курящей женщине, чтобы его было лучше слышно. А чтобы выглядеть естественно, сделал дежурно тупое лицо.

– Алла Борисовна, мне приказано уведомить вас, что ваш концерт отменяется. – Он произнес эту фразу и видел, как выражение лица певицы меняется на глазах. За недоумением последовало недоверие. Она задумалась, поднесла к лицу сигарету и долго смотрела на нее.

– Вот, значит, как – пришел чувак и отменил концерт? – начала заводиться Пугачева, но Орлов отметил, что это не злость. Скорее любопытство. Она замолчала и отвела руку с горячей сигаретой в сторону. Болдин подхватил окурок так же ловко, как до этого дал ей прикурить.

– Алла Борисовна! Вы назвали офицера «чуваком». Увы, я всего лишь майор Комитета госбезопасности. Вот мое удостоверение, – он протянул ей малиновую книжечку со щитом и мечом на одной стороне и надписью золотыми буквами «КГБ СССР» – на другой. Певица взяла удостоверение, развернула его и уже как артистка, кокетничая, внимательно посмотрела на фотографию и с прищуром – снизу вверх – сравнила ее с оригиналом. – И вот еще. Здесь записка от генерала Бобкова. Просил передать вам лично.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист белой бумаги и протянул Пугачевой. Та развернула его и прочла одну короткую фразу: «Уважаемая Алла

Борисовна! Принято решение отменить ваше выступление в перерыве футбольного матча в «Лужниках». Дело государственной важности». И подпись: «Филипп Бобков».

– А что случилось-то, майор? – спросила Алла, поднимаясь с кресла и поправляя черный балахон.

– Будет выступать другой артист, – ответил Орлов и сразу понял, что хватил лишнего. Лучше бы ответить, что не знает подробностей, и Пугачева со свитой убралась бы со стадиона подобра-поздорову.

– И кто ж это такой? – Она задумчиво посмотрела на потолок. – Погоди, сама скажу. Кобзон? Софа? Лева Лещенко? Лайма? Муслим?..

Когда Орлов отрицательно покачал головой, она по-бабьи всплеснула руками и шлепнула себя по бедрам:

– Неужели Пол Маккартни?

Кузьмин и Непомнящий дружно заржали. Болдин продолжал сидеть. Но и он вопросительно посмотрел на офицера. Все они ждали ответа – кто посмел поднять руку на великую и ужасную, самую лучшую и единственную во всем мире Аллу?

– Вы его не знаете, – попробовал прекратить разговор Орлов.

Но Пугачева уже подошла к нему вплотную, руки в боки, еще чуть-чуть, и коснется грудью. Орлов уловил запах табачного дыма от ее дыхания.

– Это будущий зять Михаила Сергеевича Горбачева, – ответил Орлов и вытянулся – руки по швам.

В гримерке повисла тишина. Кузьмин пробормотал что-то типа «Опаньки!» и принялся быстро упаковывать гитару в кофр. Директор Непомнящий бесшумно подошел к столу и вытащил из ваз оба букета с желтыми розами. Болдин метнулся к двери и даже открыл ее. Шум и свист трибун сбили напряжение. Но Пугачева не сдавалась:

– Я его знаю?

– Нет. Его зовут Андрей Разин. Знаком с Ириной Горбачевой с детства. Разумеется – с Михаилом Сергеевичем и Раисой Максимовной тоже.

– Товарищ Орлов, познакомь! – обратилась Алла к майору и положила ему руки на грудь.

– Сколько угодно. – Он отступил на шаг и посмотрел на часы. – Через минуту-две будет здесь.

Но прошло всего несколько секунд, и в раскрытом проеме двери появился худой пацан с лисьей мордой. Прическа стандартная для перестроечных подростков – коротко сверху, длинно и волнисто сзади. Китайские кеды, узкие в дудочку черные брюки и огромный, явно не по размеру пиджак. То ли черный в белую крупную полоску, то ли белый в крупную черную. Под пиджаком белая рубаша с женским, окантованным черной нитью жабо. Плечи и верх рукавов пиджака набиты ватой, отчего пацан выглядел полосатым роелем на двух тонких ножках.

– Какой хорошенький, – промурлыкала Алла и подошла к полосатому. Почесала у него за ушком и обошла кругом. – Певец, значит! Это хорошо. Ладно-ладно! Давай соберись. Сейчас тебя будут рвать на миллионы кусочков. А ты петь-то могёшь? – спросила она с материнской жалостью.

– А то! – неожиданно весело ответил пацан и как-то по-доброму заулыбался. – Пол-Сибири объездил с коллективом!

– Пол-Сибири, говоришь? – Она нарезала вокруг него новый круг, и юноша в кедах закашлялся – словно змея душила его в объятиях. Он начал вертеться вслед за ней и выдавил из себя сквозь спазмы в горле:

– У вас, Алла Борисовна, мне «Арлекино» нравится. Вы так смеетесь, как настоящий клоун. – Он вытер набухшие глаза. – У меня песенки тоже хорошие. Уже четыре штуки сочинил.

– Небось про любовь? – понимающе закачала головой Пугачева.

– Про любовь, – ответил Разин, и она отметила про себя, что разговаривает он с ней без тени смущения и подхалимажа. Давно не видела такого к себе отношения, Полосатик ее явно заинтересовал. Вернее, Зятек. Она уже придумала этому клоуну кличку.

Взаимное обнюхивание двух монстров могло продолжаться долго – парочка явно стояла друг друга. Орлов начал нервничать. Дело прежде всего! Как предупредил его Калугин, от выступления Андрея на Большой арене в «Лужниках» зависел ход всей дальнейшей операции. Какой, правда, не сказал.

– Пойдем! – Он обнял его за ватные плечи. – Постоишь на выходе на газон. Далеко в поле не бегай. Провод микрофона хоть и длинный, но если вырвешь штекер – поедешь обратно в Сибирь, радовать песенками про любовь другую половину.

– Да шо вы так переживаете? Я же детдомовский, мы не сдаемся! – И он шагнул в проход, навстречу нарастающему гулу.

Орлов пошел за ним, но Алла удержала его за руку:

– Товарищ майор! Привезите вечером этого вундеркинда ко мне. На Брестскую. Часам к девяти. Посидим этой же компанией. Может, еще кого приглашу. Колбаски порежем, макарончиков сварим. Хуже не будет. И сами приезжайте.

– Спасибо, Алла Борисовна! Андрея привезу. Я для него сотрудник Министерства культуры. Прошу запомнить. Машина доставит его к вам и будет ждать его у вашего подъезда. Адрес мне знаком. – И он вышел вслед за Андреем.

– Бляха-муха! Беспризорник – будущий зять Горбачева! – Алла была явно удивлена и обескуражена. – Перестройке капец. Горбачев точно назначит его министром культуры, а Орлова куратором эстрадников, – сделала она неожиданное умозаключение и добавила в адрес Олега Непомнящего, своего директора: – Позвони Владиславу, пусть вечером подгребают.

Тем временем на футбольное поле выбежал полосатый колорадский жук. На табло высветилось: «Алла Пугачева!!!» Транспарант мигал, увеличивался в размерах и сокращался. Пульсировал в такт музыке, которую записали на фирме грамзаписи «Мелодия» накануне. Зрители ждали Пугачеву, но ее все не было. На поле продолжал бегать колорадский жук, мычал и мяукал одновременно. Высшей наглостью стали его призывы к зрителям аплодировать, когда он одной рукой зажал микрофон, другой хлопал по кулаку. Это транслировалось на экран. Дальше ни музыки, ни мяуканья Зятка слышно не стало. Все утонуло в миллионе децибел сплошного свиста и рева толпы. Букашка в прикиде колорадского жука все пятнадцать минут бегала по футбольному полю. Молчали, глядя на него, только милиционеры, оцепившие футбольное поле. Смотрели очень хмуро.

* * *

Квартира Аллы на Брестской улице располагалась на шестом этаже, под крышей. У подъезда дежурили десятки поклонниц, мужчин почти не было. Стены подъезда от первого до последнего этажа были исписаны словами и клятвами вечной любви к Алле. Квартира певицы была спроектирована необычно – ей всегда хотелось чего-то особенного. Ванная, туалет и кухня составляли ее середину, словно дырка от бублика. Вокруг «дырки» меняли друг друга спальни, столовая, большая гостиная, куда приглашали на ночные посиделки друзей Аллы. С каждым годом их становилось все больше. Появлялись и особо крутые.

Зятечку привезли ровно в девять вечера. Оделся он скромнее. Черный пиджачок без ватной подкладки на плечах, серые брючки и красная майка-футболка. Он поднялся до квартиры, позвонил в дверь. Ему открыла вечная помощница Аллы – Люся. Она отправила Андрея в туалет, велела помыть ручки и уж только тогда идти к гостям. Он вошел, открыл кран умывальника и сел на край ванны разглядывать сверкающий кафель, унитазы и красивые халаты, что висели на позолоченной вешалке. Решив, что времени «на помывку» прошло достаточно,

он закрыл кран, вышел из огромного «санузла» и вновь угодил в руки Люси. Та провела его в гостиную.

Застолье у Аллы в квартире практически не прекращалось. В том смысле, что десятки молодых дарований, типа Жанны Агузаровой или казахского коллектива «А'студио», не говоря о сердечных друзьях, композиторах и поэтах, всегда летели к ней почитать стихи или сыграть на рояле новую мелодию. Иногда это происходило одновременно. Здесь часто и рождались хиты. И все эти ангельские создания всегда хотели жрать и пить. Поэтому у Люси в холодильнике обязательно было в запасе что-то дежурное. Чаще всего она варила макароны, которые обожала Алла, и нарезала докторскую колбасу. Водка в морозильнике – само собой.

Этим вечером за столом сидели Илья Резник, Женя Болдин и Олег Непомнящий. Из тех, кого Андрей еще не видел или не знал заочно, как поэта Резника, – волосатый брюнет в белом пиджаке и черной рубашке. Рядом с ним мужчина в коричневой кожаной куртке, похожий на большого начальника.

Алла сидела за столом в круглых розовых очках на носу, что-то рассказывала. Ее старались перебить муж и директор. Все смеялись, но разом умолкли, когда Люся завела Андрея в гостиную.

– Ну что, чучело! Живой еще? – спросила Алла и рассмеялась своим низким грудным голосом с легкой хрипотцой. – Штаны успел поменять?

– Да что вы, Алла Борисовна, конечно, успел. Весь стадион будет штаны менять, – ответил он с лисьей улыбкой, высматривая место за столом. Люся уже тащила раскладной стул, и мужчина, прохожий на начальника, и тот, что был в белом пиджаке, отодвинулись друг от друга. В это пространство и уместился раскладной стул вместе с будущим зятем генсека. Аккурат напротив хозяйки.

– Андрюшенька, это Владислав Андреевич Старков, главный редактор самой крупной газеты в Советском Союзе – «Аргументы и факты». – Алла указала ладонью на главреда, и Разин пожал его руку.

– У нас в Тюмени все пропагандисты по вашей газете лекции читают. Я с ними пол-Сибири объездил, – вновь повторил он, уже Старкову.

Тот вежливо кивнул. Интерес к будущему зятю Горбачева был явно острее при его отсутствии. Без него можно было постебаться. К тому же Алла намекнула, что этот Разин оказался у Аллы «по линии КГБ». Так что расспрашивать и говорить лишнее при нем лучше не надо.

– Это Филипп, – продолжила Алла Борисовна и кивнула в сторону брюнета, – он болгарин, шибко пляшет и поет.

Как и ты – про любовь. Тебя на стадионе подцепила, а этого красавчика в Ленинградском мюзик-холле. На вырост, так сказать. Вы мне понравились. – Филипп, не отрывая больших коровьих глаз от Аллы, торопливо пожал руку Андрюши. – Филя здесь тоже первый раз, как и ты. Все просит спеть чего-нибудь дуэтом. Хитрый, дьявол. А может, мы с тобой споем? – она обратилась к отмеченному Богом детдомовцу, явно играя на публику.

Андрей тем временем по старой детдомовской привычке уже высматривал, чего бы ухватить со стола. Люся поставила перед ним тарелку с макаронами и натертым сыром, положила вилку и нож. Он наколол вилкой несколько кусков колбасы, сало и селедку. Болдин придвинул к нему рюмку и хотел налить водки. Но Андрей, хоть и круглая сирота, ни пить, ни курить почему-то не научился.

– Люся, можно мне чаю, – обратился он к домработнице и принялся за макароны с колбасой.

Пугачева сняла розовые очки. Поэт Резник что-то писал карандашом на салфетке, Киркоров продолжал пялить маслиновые глаза на Аллу, Болдин занялся любимым делом – разглядывал ногти, Старков о чем-то напряженно задумался. Директор Аллы вжал голову в плечи

– безумно хотел спать. Все молчали. Зятек наворачивал макароны как ни в чем не бывало. Причем вилку держал тремя пальцами, оттопырив мизинец.

– Точно чучело! Откуда ты такой? – не удержалась спросить его Алла. Но ответа не дождалась.

– На кухне раздался отчаянный крик Люси. За ним громкий треск откуда-то сверху. Что-то тяжелое упало там же, откуда кричала Люся.

– Помогите кто-нибудь! – орала она за стеной.

Болдин и Непомнящий первыми бросились на кухню. За ними – остальные мужчины. Алла осталась за столом одна, налила себе полрюмки водки из запотевшей после холодильника бутылки, выпила ее и закусила кусочком селедки с черным хлебом. Кто хоть раз бывал на гастролях и жил в пропахших гостиницах с клопами, знают, что лучшего блаженства на этом свете нет. На кухне разливался хор голосов, один явно незнакомый. Наконец любопытство взяло верх, и Алла отправилась на шум вслед за всеми.

То, что она увидела в кухне, повергло ее в шок. На потолке зияла огромная черная дыра, сквозь которую виднелись стропила крыши. Из дыры свисали провода. На полу кухни посреди примолкших гостей лежал человек. Его куртка и брюки, в каких слесари ходят по домам чинить краны и унитазы, были напрочь измазаны известкой и чердачной пылью со стружками. Человек лежал на боку, поджав одну ногу. Он зажимал колено ладонями рук и громко сопел. На вид лет сорок, в волосах перья. Сквозь дыру в потолке было слышно, как воркуют голуби, даже хлопают крыльями, перелетая на чердаке с места на место.

– Пришло чучело, за ним прилетело пугало! – спокойно произнесла Алла и нервно засмеялась. – Вы кто, мужчина? Что на чердаке делали?

– Ты кто такой? – расхрабрился Непомнящий и осторожно тронул ногой прилетевшего с потолка.

Тот тихо застонал:

– Алла Борисовна, товарищи, вызовите «скорую». Я, похоже, ноги переломал. – Он закрыл глаза и стиснул зубы.

– Ты мне холодильник сломал, уголовная рожа, – напустилась на него Люся. Холодильник и в самом деле стоял с оторванной дверью – ему не повезло. Когда человек с голубиными перьями в волосах вылетел с громким треском с потолка, Люся доставала из холодильника банку красной икры, но успела отскочить. Тело незнакомца налетело на открытую дверь, сорвало петли.

– Я пошел звонить в милицию, – сказал Болдин и первым вышел из кухни.

– «Скорую» сначала вызывай! – посоветовала ему Алла. Она присела на корточки перед лежащим человеком в спецовке слесаря. – Ты чего на чердаке делал? Что за провода торчат? Нас не шарахнет? – Она кивнула на дыру в потолке.

– Не знаю, – прошептал упавший с чердака и еще сильнее скрючился от боли.

– Люся, тащи лестницу, посмотрим, – скомандовала Пугачева.

Незнакомец притих, но, когда Люся принесла из кладовки раздвижную лестницу, открыл глаза, как будто боль отпустила его.

– Дайте уже я посмотрю, – произнес притихший было Андрюша, взял у Люси стремянку и раздвинул ее. Он поднял было ногу, чтобы залезть наверх и сунуть голову в дыру, но с пола прозвучал грозный рык:

– Не советую!

– Что ты сказал? – удивилась Алла и скомандовала Андрею: – Давай, лезь посмотри!

– Не советую, – вновь заговорил гость с чердака и попытался приподняться.

Но парень, похоже, сломал не только ноги, но и ребра. А возможно, получил даже сотрясение мозга.

– Лезь давай, – вновь скомандовала Алла, и он проворно поднялся наверх стремянки. Его голова нырнула в дыру. Он увидел раскладной алюминиевый стул и небольшой ящик с мерцающими красными огоньками.

– Ну чего там? – уже не выдержал Старков. История ему явно не нравилась.

Андрей же, как только редактор Старков заговорил, увидел, что красные лампочки на коробочке вдруг замигали в такт словам и вновь утихли вместе с голосом. Одновременно на уровне глаз он увидел лежащие в чердачной пыли наушники. Он достал их, показал стоящим внизу гостям примадонны.

– Шпион! – сказал он с серьезным выражением лица. – По всем признакам американский, – добавил он и напялил наушники на уши.

– Что за признаки? – переспросил Филя. Пацан под потолком и в наушниках наконец-то вызвал у него интерес.

– Аллой Борисовной может заинтересоваться только ЦРУ. Другие не потянут, – попытался польстить хозяйке Зятек и вновь посмотрел на примадонну с открытой улыбкой на лисьей морде лица.

– Давай-ка, парень, спускайся, и все тихо расходимся. Люся и Олег, оставайтесь дома и ждите милицию. Я уезжаю к мужу! Пойдем, Женя. – Она пошла в свою комнату собираться. Гости отправились к входной двери. Андрей втянул носом запах из столовой, проглотил набежавшую слюну и тоже отправился к выходу. Впереди была долгая поездка в Рязань, куда ему неожиданно предложили устроиться директором филармонии.

* * *

Милиция приехала через пятнадцать минут. Лежащий на полу человек успел к их приходу прийти в себя. На вопрос, кто такой и что здесь делает, показал милиционеру удостоверение. Еще через полчаса приехала черная «Волга» с комитетским номером МКЖ и белая «Волга»-пикап «скорой помощи». Незваного гостя Пугачевой вынесли на носилках и увезли. Пришедшие в квартиру люди в штатском посоветовали Люсе и директору ничего никому не говорить. Потолок обещали починить. Провода с наушниками стащили вниз вместе с мерцающей коробочкой, попутно загадили кухню голубиными перьями, почерневшей древесной стружкой и ушли.

На следующий день Олег Калугин передал председателю через его секретаря служебную записку. О том, что первый пункт плана по приданию «объекту» общественной значимости прошел успешно. Изгнание со стадиона и «упавший с чердака сотрудник» надолго скрепят дружбу лучшей певицы в стране и участника игры спецслужб. В СССР понятие «пили вместе» позволяет не объяснять истоки долгой и крепкой дружбы. Что и требовалось.

Перед Аллой Пугачевой извинились и просили говорить в случае надобности, что с чердака упал бомж. Такое предупреждение оказалось нелишним. Скрыть падение человека с чердака в квартиру Аллы Борисовны не удалось. Слух о ночном скандале в квартире примадонны уже гулял в Москонцерте.

В результате крошка Разин прослыл протеже Пугачевой вместе с болгаринном Киркоровым. Самая тиражная газета в СССР «Аргументы и факты» готовила интервью с восходящей звездой. Не с Киркоровым.

Глава 8

Посольский зеленый «жигуленок» третьей модели довез подполковника Калугина из аэропорта «Шёнефельд» в самый центр Большого Берлина к Бранденбургским воротам. Проехав полкилометра по Унтер-ден-Линден, машина остановилась у входа в советское посольство. Старое здание было разрушено еще в 1942 году во время бомбардировки союзниками Берлина, и это – новое, построенное уже тридцать пять лет назад, – хоть и отличалось сталинской монументальностью, но прекрасно вписывалось в немецкую городскую угрюмость старого Берлина. Калугину даже показалось, что оно похоже на правую часть здания МИДа в Москве. Только в очень уменьшенном виде. Даже липы, благодаря которым и называлась эта самая знаменитая в ГДР улица, стояли словно на Садовом кольце в Москве. Только поменьше. Не успели отрасти после войны.

Правые ворота перед главным подъездом в посольство отворились, и машина въехала по круговой дорожке ко входу. Калугин вышел из автомобиля и направился в подъезд. Двери вновь, как и ворота, открылись автоматически, и Олег зашел в вестибюль. По лестнице навстречу ему уже спускался посол Кочемасов. Типичный комсомольский работник в черном костюме и белой сорочке с черным галстуком.

– Олег Данилович, здравствуйте и с приездом! – Он обеими руками взял протянутую руку Олега. – Мне звонили и просили помочь.

– Здравствуйтесь, – успел произнести Олег, а посол уже стоял у него сбоку, подхватил руку выше локтя и, словно подталкивая, повел его к себе в кабинет на третий этаж.

Такое внимание к Олегу со стороны посла объяснялось звонком председателя КГБ Чебрикова. Но Кочемасову не была известна истинная цель приезда Калугина. Он мог лишь догадываться. Дело в том, что сотрудники КГБ, и в первую очередь Первого управления – внешней разведки, – последние три года приезжали в Берлин довольно часто. Город, как и вся ГДР, находился на грани некой трансформации, понять ход которой и ее тайные пружины как раз и пытались сотрудники Владимира Крючкова. Как правило, они вели себя в Берлине совершенно свободно, любили выпить. Для таких случаев посольский завхоз выделял деньги, экономя на сотрудниках. Алкоголь закупал в валютном магазине, аналоге московской «Березки». Посол Кочемасов был уверен, что приезд Калугина из этой же серии. Поэтому, заведя высокопоставленного посланника Чебрикова в свой кабинет на третьем этаже посольства, он сразу предложил ему на выбор виски, армянский коньяк и водку «Столичная». Когда Калугин поблагодарил и попросил лишь чашку чая, у посла отлегло – он не выносил алкоголя, боялся одного его запаха. Давал о себе знать возраст – от алкоголя у него учащалось сердцебиение, он задыхался. Когда они сели за уютный стол в глубине кабинета и секретарь принес чай, посол тут же начал «грузить» Олега:

– Я уже писал в докладах в Москву, что происходит в ГДР. Здесь своя перестройка, везде лозунги: «Горбачев, освободи нас во второй раз!» Я, признаться, не понимаю смысла этого лозунга. Но раз в неделю точно по Унтер-ден-Линден мимо посольства маршируют тысячи немцев с факелами. Без конца скандируют «Горбачев!» и «Перестройка», готовятся к визиту Михаила Сергеевича. Как вы знаете, он будет через месяц, в октябре. Я слышал от западных дипломатов, хотя не знаю, насколько им можно доверять, что генсек СЕПГ товарищ Хонеккер будто бы боится этого визита. Говорят, он не выносит Гобачева. А жена Хонеккера презирает Раису Максимовну. Одним словом, в МИД ГДР не ждут ничего хорошего от этого визита.

Калугин внимательно слушал посла. Он уже знал от Крючкова, что Горбачев не выдержал огромного нажима со стороны канцлера ФРГ Коля и американского президента Рейгана. Судьба ГДР была предрешена, и советская зона оккупации скоро войдет в состав ФРГ. Вопрос лишь в том, останутся ли после этого советские войска на территории Германии. Тут, как

говорится, спецслужбы не помогут. Но крайне важно успеть выполнить задание, пока в архив Штази – местного Министерства госбезопасности – и архив внешней разведки не попали американцы. Это могло произойти в ближайшие полгода. Всё осложнялось тем, что надежды на помощь в выполнении задания со стороны посольской резидентуры не было никакой. Калугин знал из донесений нелегалов, работающих в Восточном Берлине, что сотрудники посольства, как и большинство высшего генералитета Группы советских войск в Германии, словно одержимы бесом. Кто-то ждет эвакуации, кто-то бегства. Нервы у всех напряжены до предела – из посольского городка в Восточном Берлине, да и всех зданий дипконсульств в городах ГДР, стараются не выходить. Офицерам запрещено без острой необходимости покидать военные части. При этом все пытаются запастись шмотками, телевизорами, кассетниками и видеомагнитофонами. О какой работе в немецких архивах могла быть речь?

Разумеется, Олег не стал говорить о задании Чебрикова послу Кочемасову. Дед явно ничего не понимал и скорее всего мечтал в свои семьдесят лет уехать домой. Тем временем посол все норовил подлить Олегу чая, но причитания ничего не понимающего человека достали его окончательно. Он решил свернуть разговор.

– Вы знаете, Вячеслав Иванович, я тоже видел недавно, как умеют маршировать немцы, – неожиданно не в тему сказал Калугин и наигранно нахмурил брови.

– Что вы такое говорите? – озабоченно спросил Кочемасов. – Где сподобило? Вы вроде в ГДР никогда не приезжали – я бы знал. – Посол достал из внутреннего кармана пиджака платок и вытер неожиданно вспотевший лоб.

– Не поверите – в Ленинграде! – еще больше изумил посла Калугин.

Тот не стал переспрашивать, лишь опустил голову к чашке чая, стоящей на столе. По правилам этикета он должен был ее поднести ко рту. Но голова сама склонилась вниз. Посол почуял подвох, а накануне пенсии это было совсем некстати.

– Это что, пленные по Ленинграду шли, как в Москве в сорок четвертом?

– Не поверите – не пленные. Молодые немецкие девки в трусах, без лифчиков и с перьями на голове, – Калугин смотрел на посла, сдерживая улыбку. Тот начал шумно «глотать» чай, его кадык заходил в такт этим частым глоткам чаем. Явно не понимал, куда клонит гость. – А ведь это ваш недосмотр!

Кочемасов оторвался от чашки с чаем и с обидой в голосе, который задрожал, прошептал:

– Вы о чем, Олег Данилович? Да я с «этим делом» никогда не связывался. У меня жена есть. Немецкие девки, как вы сказали, на вверенную мне территорию посольства никогда не заходили. Если они где и маршируют, так только в варьете на Фридрихштадт-паласт! – Посол выгнул спину, положил руки на колени и замер. Не ожидал, что посланец самого Чебрикова будет говорить с ним на такие скользкие темы.

Кочемасов так и не мог вспоминать, где и с кем он мог проколоться. Обычные посольские шалости – секретарши, буфетчицы и скучающие от безделья жены сотрудников – не в счет. Игры с таким контингентом, среди которого обязательно были осведомители «органов», он запретил себе еще в пору комсомольской молодости на Горьковском автозаводе. Значит «на бабах» попался кто-то другой из посольских? Его размышления прервал сам Калугин:

– Правильно определили местоположение, товарищ посол. Я как раз о варьете с Фридрихштадт-паласт. Часто бывают у нас в Ленинграде. Маршируют канкан в чем мать родила. Вот и смотрите, откуда у сотрудников посольства ветер в головах. Голые немецкие задницы не могло не зацепить – от вас до варьете небось километра не будет по прямой?

– Триста метров от ворот по Унтер-ден-Линден. Затем налево по улице Фридриха и по мосту через Шпрею. Еще с километр, – заикаясь вспоминал посол.

– А чего бы не попросить генерального секретаря СЕПГ товарища Эрика Хонеккера перенести подальше от советского посольства это самое варьете? Куда-нибудь в пригород? – не унимался Калугин.

Вдруг накатили воспоминания о веселой жизни в Нью-Йорке. С китайскими ресторанчиками и ночными клубами, где девицы запросто крутились вокруг шеста, пока на них не оставалось вообще ничего, даже перьев, в отличие от бывших гэдээровских пионерок. Хотя здесь, в советском Берлине, могла быть особая острота – смотреть на танцующих канкан полуголых женщин, зная, что все они совсем недавно были пионерками. Носили короткие синие юбки с ремнем, белые блузки и синие галстуки с синей же пилоткой.

Олег понимал, что слегка перегнул палку. Кочемасов был человеком старой партийной закалки. Всю войну проработал в комсомольской организации Горьковского автозавода. Пора было попрощаться, чтобы дед успокоился.

– Что же, Вячеслав Иванович, не буду вам больше мешать. Знаю – дел у вас невпроворот! Больше не увидимся. Мне нужен ваш повар, Михаил Ложкин. Вы же знаете, кто он?

– Конечно, знаю, – с облегчением ответил посол. Понял, что это не было его проверкой со стороны «спецорганов». Грубые шутки Калугина могли оказаться вполне конкретной придурью посланца Виктора Чебрикова. Парень скорее всего намекал ему на посещение этого самого варьете, разумеется, за счет посольства. Такое случалось часто. Когда-то от навязчивых просьб удавалось отбрехиваться, но иногда, когда гость был особо важный, приходилось урезать расходы на приемы и премии сотрудникам. Он знал, что такие заскоки, даже в более крупных масштабах, регулярно происходили в советском посольстве в Париже. Все заместители Громыко, а позднее и Шеварднадзе норовили попасть на Пляс Пигаль в «Мулен Руж». Дневные посещения загадочных кустов Булонского леса, что рядом с советским посольством в Париже, их уже не возбуждали. Хотелось посидеть с шампанским в «Мулен Руж». А это сто долларов с человека.

Посол во Франции Яша Рябов учил Кочемасова, как отвадить особо наглых просителей побывать на халяву на массовом стриптизе. Надо намекнуть желающему поглазеть на буржуазное женское тело – или гэдээровское – о том, что советского человека в этом вертепе могут спойть и он окажется под утро в постели с проституткой. Дальше – фотографии «на стол» и вербовка. На кого-то действовало, но в последнее время эта угроза стала всем «до лампочки». Но Калугин, похоже, приехал по каким-то своим делам. В то, что его повар Миша Ложкин входит в штатную резидентуру посольства, он, разумеется, был посвящен.

– Что же, мои вещи должны были отнести в корпус сотрудников торгпредства. В номер для командированных.

– Так точно, – по-военному ответил Кочемасов, встал со стула и жестом предложил Калугину пройти на выход. – Ложкин ждет в приемной.

Когда Олег вышел из кабинета посла, его встретил здоровый парень с начинающей лысеть головой. Нос пуговкой, белокурый. С легкими завитушками волос на висках и затылке, он напоминал классического немца. Сравнение подчеркивало внушительное пивное брюшко.

– Товарищ Калугин! Я Михаил, приказано встретить и развлекать. – Миша засмеялся какой-то особой улыбкой – смесью наглости и уважения одновременно.

Олег явно видел его когда-то. Он пожал протянутую руку, еще раз внимательно посмотрел на его лицо. Посольский повар вновь заговорил:

– А я вас сразу вспомнил. – Он слегка наклонил голову вперед, согнул левую руку в локте и сделал жест, как будто повесил на руку салфетку. – Что будем заказывать? – продолжил он и хитро улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.